

Сохрани
Страну Чудес

Ондюон

Ondyon

Сохрани Страну Чудес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435077

ISBN 9785005013903

Аннотация

Освободившись от гнёта людей, Земля расцвела. Русты в отдалённых деревнях ничего не заметили. Уединившись в горах, молятся своим богам спириты. Они считают, что Земля просто сбросила с себя лишних людей. В разрушенных городах ведут вечную войну за ресурсы жестокие техи. И только солы в небесных городах знают всё. Это кучка выживших учёных. Маленькая Элис как-то связана с древней катастрофой. Её мать скрывалась триста лет в отдалённой деревне. И теперь, когда она мертва, кто-то преследует Элис...

Содержание

Сохрани	5
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Сохрани Страну Чудес

Ondyon

© Ondyon, 2019

ISBN 978-5-0050-1390-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сохрани Страну Чудес

Ondyon

Это история про девочку, которая странствует по Стране Чудес и всем задаёт один и тот же вопрос «Что такое смерть».

Если в процессе чтения вам вдруг показалось, что это написано ветреной 17-летней блондинкой – остановитесь и прочтите абзац ещё раз. Всё не так просто, как кажется. За цветом глаз героини скрывается генетический расчёт наследования цвета глаз, тычинки в цветах подсчитаны и определена вероятность их нахождения в данном месте.

Белые снежинки кружатся вокруг неё и падают, падают. Если смотреть не отрываясь, кажется, что это не они падают, а это она летит вверх. Абсолютная тишина и холод. Белый свет, который приходит со всех сторон сразу, и непонятно, в какой стороне солнце. Элис никогда не видела такого, хотя знала, что это снег. Тот самый, что в холодное зимнее утро она находила на сухой земле за сараем. Но теперь он падал везде вокруг, и лежал везде вокруг и скрипел, когда она на него наступала. Этот скрип не было слышно, он тоже подчинялся всеобщей тишине, но его можно было почув-

ствовать ногами. Такое странное ощущение. Но она не удивлялась, она видела это как будто со стороны, словно это была не она, Элис, а кто-то другой, и этот кто-то не удивлялся, потому что не в первый раз видел такой снег.

Ей было холодно, ноги покалывало холодными иголками снега сквозь тонкие подошвы туфель. Она медленно шла сквозь это белое живое пространство, и оно не кончалось. Не было не только звуков, не было времени. И направления тоже были не все. Был верх, откуда летели снежинки, был низ, где скрипел снег. Но всё остальные направления были одинаковыми, и, куда бы она ни шла – ничего не менялось.

Постепенно ноги перестали чувствовать скрип снега. Она продолжала идти, потому что ничего другого не оставалось: снег, она и этот путь, непрерывный процесс движения. Элис понимала, что должна поддерживать порядок вещей: снег должен падать, а она должна идти вперёд, а иначе всё кончится, вообще всё, мир перестанет быть.

Вдруг что-то тёмное мелькнуло в этом белом пространстве. Сразу появилось направление. Направление вперёд.

Высокая фигура приблизилась, удивлённый голос:

– Откуда ты?

Она остановилась. Теперь уже можно было остановиться, мир, в котором есть ещё кто-то кроме неё, уже не нужно поддерживать своим непрерывным движением, он уже не кончится.

Высокий человек нагнулся над ней.

– Ты одна? Потерялась?

Она кивнула. Ноги уже давно не чувствовали ничего, но слушались, когда она делала однообразные шаги. И сейчас, когда она остановилась, они не удержали её. Высокая фигура качнулась, и Элис вдруг почувствовала иглы снега на лице, и белая реальность снова окутала её. Но сильные руки подняли её, потом она ощутила тёплый и колючий шарф.

– Как тебя зовут? – Спросил всё тот же голос.

– Шейла, – ответила она.

Элис ощутила, что вернулась из сна. Кругом была тишина, но это была уже реальная тишина, и она ощущала себя в ней и камень под толстым слоем меха и шкур, несмотря на то, что ещё не открыла глаза. Камень, который продолжался вглубь Земли. На невысказанную глубину. И там, в глубине камень начинает плавиться от внутреннего огня. Так ей рассказывала мать, но кто может проверить это?

На пределе слуха лепет воды. Река Рана пропилила глубокое ущелье, несмотря на то, что немного выше по течению была всего лишь нешироким лесным ручьём, который можно легко перейти вброд.

Элис открыла глаза. Вверху над ней скала сходилась узкой закопчёной трещиной, оттуда на лицо падал свежий воздух. И едва заметный призрачный свет. Наверху была ночь. Огонь потух, угли едва светились красным, не в силах осветить пещеру. Но было тепло, середина зимы уже миновала,

скоро сквозь серые засохшие пучки травы полезет свежая зелень, солнце с каждым днём будет всё выше и начнёт будить её по утрам, заглядывая в трещину. И тогда, открывая глаза, она будет видеть искрящиеся золотыми крупинками скалы. Золотой солнечный свет, как же она любила его...

...золотой солнечный свет пропитывает всё вокруг: траву, камни, узорчатые створки ставень, отчего серое дерево тоже начинает искриться. В руке у неё маленькая фигурка лошади, сделанная из чёрного камня. Камень тоже в солнечных прожилках. От лошади только голова и шея, а ниже круглое основание, но, если держать её поближе к глазам, да ещё и кружиться на месте, то можно представить, что скачешь на ней! Внизу быстро мелькает трава, дорожка, дом, дерево, снова дорожка.

В огороде слышен смех Шейлы, она идёт сюда. Надо встречать гостей, скорее, скорее, возвращаться из дальних стран на большую каменную скамью под окном, где на кукольном столе стоят чашки из разноцветного стекла.

Лошадь цокнула своим круглым основанием о скамью, открылись ворота резной шкатулки, лошадь зашла и легла на своё место между деревянным ёжиком и безногим котёнком. Чем же угощать гостей? Детские руки расставляют чашки... и сверкающий чайник... а для самых дорогих гостей – маленькая стеклянная бутылочка, что хранилась в шкатулке триста лет! Смотрите, как сверкает! Она поднимает *ампулу*

к небу...

Вдруг она выскользывает из детских пальцев и падает, летит, переворачиваясь навстречу круглому камню. Ай! Сейчас бутылочка разобьётся, брызнет во все стороны осколками, и Шейла не попробует сказочного напитка, что Элис хранила для неё триста лет!

Быстрая тень накрывает дорожку, что-то большое прорывается в кукольный мир. Свист ветра, огромная живая сила, как бегущая лошадь, как летящий дракон, движение когтистой лапы, и стекляшка исчезает, так и не долетев до камня. Лишь качнулась трава.

Элис моргнула, пытаясь понять, что произошло. На траве лежала Шейла. Элис никогда не видела её такой. Глаза закрыты, на щеке две узкие белые царапины медленно краснеют и покрываются бусинками крови.

– Мама... Ты что, превращалась в дракона?

Глаза открываются. Ни тени улыбки. Шейла медленно садится. Зелёная метёлка травы качается на уровне её глаз.

– Элис. В этой бутылочке – СМЕРТЬ. Никогда не играй с нею. А если увидишь, что она разбилась – беги. Беги, не останавливайся, в лес, в другую деревню, через море на другие острова, в другой конец мира. Беги, как бежала я. И не возвращайся сюда, пока не пройдёт триста лет.

Жаль что тебя нет сейчас со мной, Шейла. Дальние страны, другое время. Элис почему-то всегда казалось, что мама

говорила не про те времена, которые помнила, не про тот же самый мир, в котором они сейчас, а про совсем-совсем другое место, сказочную страну, откуда она пришла. И принесла с собой книжки с картинками. Элис помнила их все, и всё равно иногда находила на них что-нибудь новое и странное.

Картинки были цветные и совсем как настоящие. Шейла говорила, что они и есть настоящие, их не рисовали краской, а само солнце отпечатало реальный пейзаж на картинке. Она говорила, что солы ещё умеют делать такие, так на то они и солы, чтобы управляться с солнцем.

...Чужие дивные деревья, лес со множеством корней и стволов, огромные орехи, свисающие с ветвей. Сквозь стволы просвечивает солнечное пространство, но отсюда непонятно, что же это.

...Высокие-высокие дома из камня, за ними небо и море. Не такое серое и шершавое, как на Северном Склоне, а синее и гладкое, как лесное озеро, только неизмеримо больше, просторнее, синее... Далеко на море – лодки с треугольными парусами. И совсем маленькие деревья далеко внизу.

...Еловые лапы, как рамка для картинки, за ними дорога, что ведёт на высокую скалу. А на скале – старый замок. Каменные башни, птицы кружатся над ними.

...Верблюд, идущий по песчаным дюнам. На спине его – клетчатая панель, по бокам – ящики¹.

¹ проект создан в 2009г. Кенийским фондом кочевых общин (Nomadic Communities Trust – NCT), калифорнийским арт-центром Designmatters и Инсти-

Элис видела верблюда на ярмарке, но в деревне их не было. Только лошади. А лошадь может бежать так, что ветер свистит. В деревне чаще запрягали быков. Они могут тащить даже самую большую телегу. А верблюд может долго не пить и перейти поперёк рыжую пустыню. Но пустыня далеко на юге, к тому же, за морем. Шейла называла его Тургайским, но здесь никто не говорит так. Говорят просто Море.

Палец Элис упирается в книжку.

– А что за ящики?

– Это холодильники. Этот верблюд везёт лекарства в далёкую деревню. Он идёт по пескам через пустыню, там так жарко, что лекарство испортится. И тогда все в деревне умрут. Поэтому он везёт его в ящиках-холодильниках. В них иней и холод, и лекарство не прокиснет, как старое молоко. А чтобы холодильники работали – на спине у верблюда солнечная панель. Она улавливает солнечное тепло и превращает его в холод.

– Это солы придумали такие ящики. – Это даже не вопрос, уверенность.

– Ну... в общем да. Но тогда их никто не называл так. Раньше холодильник был в каждом доме, и там хранили молоко и сметану и мясо, и не надо было спускаться в погреб...

тутом материаловедения принстонского университета (PRISM). Один из первых производителей – финская компания NAPS Systems со своим аппаратом Vaccine Fridge CFS49IS, называемым также Camel Fridge.

А сколько вопросов задала бы она ей сейчас! Ну почему, почему, почему тебя нет со мной! Зачем смерть забрала тебя? Что такое вообще смерть? Почему в деревне умирают от болезней, а иногда и просто так. Шейла говорила, что когда-то была лекарем. Значит, она знала о смерти больше всех.

– Мама, а почему все умирают?

– Так должно быть, Элис. Если бы никто не умирал – и людей и зверей было бы много-много, и им негде было бы жить.

– Ты говорила, что раньше людей и было много-много.

– Да. И жили они в городах. В больших домах друг над другом. Таких высоких, что верха не видно.

– Как Гранейские скалы?

– Некоторые даже выше.

– А потом?

– А потом пришла Смерть, и все умерли.

– А где сейчас эти дома?

– Некоторые разрушил ветер, размыва вода, и они упали, а некоторые и сейчас стоят.

– Ты покажешь мне?

– Нет, это далеко. – Что-то в ней менялось в этот момент. – Хочешь, покажу на картинке. И она доставала из сундука книгу.

Сверху начал пробиваться дневной свет. Элис не хотелось вставать, даже уже совсем проснувшись, в воспоминаниях

она оставалась в том времени, когда Шейла была жива. Ей казалось, что даже теперь, когда её нет, мать наставляет её из воспоминаний. Она знала очень много и хотела, чтобы вся её память досталась Элис, но не успела. Вот почему воспоминания были так ценны, в них было то, что ребёнком Элис не могла ещё понять, но просто запомнила, и теперь, через время, она получает это знание из прошлого и теперь уже понимает его. Зачем оно ей? Почему-то казалось, что это очень важно.

Элис потянулась в угол, нащупала хворост и кору, аккуратно сложила их на углях и раздула огонь. Кора сразу окуталась пламенем, испуская кружащиеся искры. Потом взяла старый чайник с верёвкой, пролезла наружу и кинула его с уступа в реку. Она даже не смотрела вниз, точно зная, когда чайник наполнится водой, это движение было заучено каждодневным повторением. Она смотрела на противоположный берег, где лес кончался, и внизу, у посёлка, скалы поднимались ещё выше. День обещал быть серым, но тёплым, как раз хорошее время для расставания с родными местами. Но что-то ещё, кроме привязанности к дому, удерживало её, и она осознала, что сегодня не уйдёт.

Чайник подхватило течением и он громохнул о камни. Она потянула верёвку. Уже очень скоро никто не будет кидать чайник с этого уступа, в тайнике останется только самое тяжёлое и ценное: книги с картинками, которые она так любила. Ну ничего, когда-нибудь она вернётся за ними. Когда

у неё уже будет свой дом, настоящий. Может быть, семья.

Ещё с осени Элис перетаскала все книги в пещеру. Отец не заметил. Все вещи Шейлы были давно брошены в открытый сарай, они лежали на земле под навесом, и с наступлением зимних дождей могли просто промокнуть. Они были никому не нужны. Кроме Элис.

Началась долгая и тёмная зима. Она приходила в пещеру и при свете очага рассматривала картинки. Наверное, тогда она и осознала, что ей уже незачем возвращаться в деревню.

Убежищем ей стала пещера её детских игр. Когда-то она нашла её на полпути от деревни к посёлку, если идти через лес напрямик. Тогда это было далеко для её маленьких ног. Эта пещера не была обычным пастушьим укрытием. Это была настоящая Тайная Пещера! Вход располагался на уступе отвесной скалы на высоте пятнадцати локтей над водой, и он был прикрыт кустами, так что с другого берега он тоже был незаметен. Чтобы спуститься на уступ, надо было знать, где он находится, потому что с края обрыва было видно множество таких уступов, поросших изумрудным мохом² и земляникой.

Именно так она и нашла пещеру, собирая землянику. Внутри было сумрачно, но не темно. Летнее солнце проникало через трещину в потолке – отличный естественный дымоход. Она наткнулась на старый очаг, зола и угли уже успели уплотниться, им точно не пользовались много лет. Чудес-

² оставлено авторское написание

ное Тайное Убежище – мечта любого ребёнка. Она никому не рассказала. Словно знала, что когда-нибудь пещера пригодится ей, станет домом на долгую половину зимы. Никому, кроме друга своих детских игр, маленького Питера из деревни. А теперь, когда Питер уже ничего не сможет сказать, её тайник с книгами никто не найдёт. Да и будет ли искать.

Зима выдалась холодной, по утрам скалы покрывались инеем, словно белым мехом, а дождь замерзал снежинками, тогда Элис выходила на уступ, подставляла руки и разглядывала, как игольчатые кристаллы у неё на ладони таяли, снова превращаясь в капли дождя. Казалось, каждая снежинка добавляла холода в этом лесу, и, замёрзнув, Элис возвращалась в тёплый полумрак пещеры.

Остаток зимы прошёл быстро, и теперь, собираясь в путь, она, конечно, хотела бы взять с собой все свои книги, но тяжёлая ноша только мешала бы в дальней и возможно, опасной дороге. Можно было, конечно, раздобыть где-нибудь телегу, или найти попутчика, но тогда её отъезд растянулся бы до середины лета. Да и попутчик, скорее всего, довёз бы её до ярмарки, а это всего лишь пятая часть пути. Поэтому она решила взять с собой только небольшой запас еды и несколько дорогих для неё вещей. Фигурку лошади из камня, что стояла теперь в пещере на каменной полке над очагом и...

Вот что удержало её сегодня от ухода! В доме ещё осталось что-то, о чём она забыла. *Бутылочка со смертью!*

По крайней мере надо проверить, что она не разбилась. Её нельзя оставлять отцу, вдруг он разобьёт её случайно. Какие бы чувства ни разделяли их, Элис не желала ему смерти.

Сумерки окутали кусты и тропинку, и старые липы у ограды. Ночная прохлада уже не напоминала о зиме. Элис чувствовала мягкую землю дороги, ощущение, уже забытое за зиму, и старалась запомнить его. Неизвестно, когда она ещё сможет вернуться сюда. Наверное, это уже будет совсем другая Элис: совсем взрослая, мудрая и решительная. «Как Шейла», – словно подсказал кто-то.

День прошёл в заготовке свежих кореньев и поиску жирных куколок древесного жука. Достаточный запас сушёного мяса уже лежал в дорожном мешке, но, по крайней мере, в первые дни хотелось иметь что-нибудь свежее, а мясо оставить на потом, Элис не хотела тратить время в пути на охоту, ловушки и разделку туш, ведь это остановило бы её продвижение по крайней мере на день, а она надеялась дойти до замка примерно за десять дней. А живые куколки, завёрнутые от жары и света в тряпку и опилки, могли храниться достаточно долго.

Она бесшумно вышла из-за куста, нырнула в проём двери и наткнулась на пучки сухой травы. Отец опять развесил у входа упырник, чтобы не пускать в дом нечисть. Шейла всегда ругала его за это, ведь упырником можно оградиться разве что от борщевика. Ведь всем известно: где растёт

упырьник – не растёт борщевик на полдня ходу вокруг. Теперь он только в Тёмной лощине и остался. Старшие дети ходят туда лунными ночами чтобы нарвать борща. По ночам его яд не опасен. Особенно если вернувшись, окатить себя водой из родника. Страшное место... стебли тянутся к луне, словно руки с сотнями пальцев.

Элис прокралась через сени. В темноте сарая зашуршал домовый. Домовой упырьника не боится, если рассудить, он и не нечисть вовсе. Скорее, как домашняя скотина, только молока не даёт, и запрягать его нельзя. Дом охраняет, как собака, следит, чтобы в доме всё было хорошо. Ну, и не каждому показывается.

Она надеялась, что домовый ещё помнит её и воспринимает как свою, кто-то говорил, что у домовых очень короткая память. Надеяться, что он не учует – бесполезно, он засёк её ещё тогда, когда она подходила к дому. Все домовые очень хорошо охраняют свою территорию. Значит, подумала она, он её принял нормально, раз позволил зайти так далеко. Главное, чтобы он не начал бузить и никого не разбудил. Она хорошо знала скверный характер их домового. Но, чуть пошуршав соломой, он, вроде, затих. Она постояла ещё немного, прислушиваясь, и пошла дальше вглубь сеней.

В темноте она наткнулась на что-то большое, стоящее у стены. Осенью этого здесь не было. Она опустилась на колени. Это оказался деревянный сундук, она узнала его, раньше он стоял в углу Шейлы, за занавеской у печки. Теперь отец

выставил его в сени. Элис бесшумно открыла крышку. Сверху лежали старые платья. Шкатулку с ампулой Элис нашла сразу. Она лежала под платьями в правом углу. Открывать её в темноте было опасно, разбить и выпустить смерть – глупее конца не придумаешь. Элис была уверена, что стекляшка внутри цела, поэтому просто положила шкатулку в карман.

Старые платья были мягкие и пахли тем особым запахом, связанным с мамой, солнечным прогретым домом, когда лето, и все окна открыты, и ветер с лугов продувает его насквозь. Элис хотелось ещё раз потрогать их, ощутить вышивку на рубашке матери, как это было в далёком детстве. Вот она стоит на пороге и тыкает пальцем в пуговицы. Дверной проём такой большой, и солнечный мир за ним такой огромный.

Она сунула руку на самое дно, пройдя сквозь несколько слоёв старой одежды. Пальцы наткнулись на свёрток. Она попыталась вспомнить, что бы это могло быть, не вытаскивая, но ей это не удалось.

Далёкий рёв проник в сени через приоткрытую дверь. Это было похоже на звук камнепада, или прорыв запруды на реке. Что-то случилось в посёлке у скал. В избе заворочался отец, слышались шаги. Элис схватила свёрток и бросилась в тёмный проём. Когда открылась внутренняя дверь в сени, она уже притаилась за бочками, стоящими в сарае. Несмотря на полную темноту, она отлично ориентировалась, этот сарай был промерен её шагами тысячи раз. Бочки были луч-

шим убежищем, чем сено вверху, потому что они не шуршали, и к ним не вели четыре скрипучие ступени.

Шаги отца прогремели по сениям к выходу, скрипнула дверь. Он высунулся на улицу, нюхая ветер и прислушиваясь. Но было тихо, только на дальнем конце деревни лаяли собаки.

Снова послышался далёкий звук. Теперь это был голос. Со стороны посёлка. Теперь стало ясно, что это Большая Труба, только она могла передавать голос на такое расстояние. Только сигнал неизвестный. И без повтора. Сигналы Трубы всегда повторяют два или три раза.

Похолодало. Отец прошелся по двору, вдыхая холодный ночной воздух, пока это было приятно. Наконец, замёрзнув, он вернулся в дом. Элис, наконец, смогла свободно дышать, когда закрылась дверь. Ей почему-то стало остро жалко отца. Стыда, что она лишила его своей помощи, не было: со своим маленьким хозяйством он отлично справляется и без неё. Просто она уходила, а он оставался. Интересно, что он думал про неё. Хотел ли он хоть немного, чтобы она осталась с ним?

«Сидя на красивом холме,» – пела Элис, сидя на краю обрыва и глядя на изгибы реки внизу. – «Я часто вижу сны и вот, что кажется мне...» Вперёд, вперёд по ущелью всё дальше на юг уходила река, вытекала на равнину, становилась шире и скрывалась в зеленоватой дымке.

Слова в песне были местами непонятные, но она пела так, как запомнила, как пела её мать. Настроение было радостным, сейчас она встанет и последует за рекой, сначала вдоль края обрыва, потом по равнине. Множество мест она увидит, пока не придёт, наконец, в замок. Этот лес, поля, речка были для неё совсем родными. Ну ничего, там, куда она направлялась, по рассказам, всё это тоже есть. А ещё есть замок со множеством башен и переходов, огромных каменных залов и лестниц.

«Барон Эдвин, нет ли у тебя работы для сообразительной девушки?» Он непременно оставит её работать в замке, подметать комнаты, помогать поварам на кухне, да мало ли работы в таком большом хозяйстве. И ещё, у неё есть тайное преимущество...

В деревне говорили, что барон чудак и самодур. Особенно его клеймили сезонные бездельники, те, кто нанимаются на сенокос, или сбор урожая, а потом на заработанное пьянствуют весь оставшийся год. Они стонали, что он не даёт расслабиться, сверх меры загружает работой и не терпит бездельников.

Другие шептались, что он ценит людей с редкими умениями. Но нужна большая удача, чтобы понравиться барону, например, как тот кузнец из Загорья, что умел делать из меди самые тонкие нити для шитья. Зачем Эдвину понадобилась проволока в таких количествах – никто и не думал, только барон забрал его к себе, окружил почётом и платил монета-

ми по сотне в сезон.

Ещё рассказывали про одного деревенского дурака, который сделал из палок и ветоши огромные крылья, а потом рухнул с амбара и чуть не разбился насмерть. Будто хотел уподобиться солам. Барон его подобрал, вылечил и оставил при себе.

Видать, любил Эдвин таких же чудаков, как он сам, и Элис надеялась, что её умение тоже может понравиться барону.

Она встала и легко зашагала на юг. Мысли о прошлом остались позади, в деревне, никто не вспомнит о ней, разве что отец как-нибудь со злостью скажет «Ну где же эта чёртова Элис!». Шейла неизменно его передразнивала: «Alice! Alice? Who the fuck is Alice?»³ А Отец злился, что не понимает шутки и не знает этой песни. И вообще не знает тех многих вещей, которые для Шейлы были родными и так много значат сейчас для Элис. И которые навсегда останутся с ней.

Каменная фигурка лошади, ампула со смертью и только одна самая красивая книга, с которой она не смогла расстаться. Та, где на картинке есть старинный замок. И ещё чёрная коробочка, которая оказалась в свёртке, что она взяла из дома. Красная точка тускло горит посередине, и два коротких золотых рога сверху. Нет, не о Шейле... она напоминала о *мельнице*. И хотя Элис не хотела вспоминать об этом, оставить её в пещере она тоже не смогла. Одно дело – книги, если их найдут, то ничего страшного не случится, их просто

³ шуточная песня группы Smokie

выбросят или сожгут. А что будет, если сожгут эту штуку? Вдруг в ней тоже содержится что-то смертельное... Она даже была почти уверена: то, что убило Питера – внутри, и она не допустит, чтобы *оно* убило ещё кого-нибудь.

Солнце поднялось уже высоко, она спустилась на равнину, мокрые скалы кончились, идти было легко, и мысли Элис снова обратились к манящему будущему. Интересно, как выглядит замок Эдвина, похож ли он на тот чудесный замок на картинке... Если так – она узнает его издали.

Тихие шаги по дороге, пёстрый платок мелькнул за изгородью, старая женщина открывает калитку, прижимая к себе книгу. Маленькая Элис бросается в дом.

– Хельга пришла!

Шейла вышла ей навстречу, Элис села в траве неподалёку, чтобы не пропустить ни слова.

– Шейла, вот ты читать умеешь, помоги мне, а то я старая уже, глаза совсем не те, что в молодости. – Она села на скамейку и открыла заложенное место в книге. – Вот, написано: возьмите десять сушёных листьев... а вот дальше непонятно.

– Дай я посмотрю... – Шейла заглянула в книгу. – ЭУКАЛИПТУС. Это название дерева. И это тебе не помогло бы. Оно здесь не растёт. Возьми Иван-чай и полынь. Полынь особенно, по бактерицидным свойствам почти такая же. Если что – Элис поможет нарвать.

Они ещё поговорили о чём-то, Хельга рассказала про

младшего сына мастерового Кондрата из посёлка, который уже третий раз ломал себе руку, порадовалась, что у Шейлы все здоровы.

Потом, когда лекарка ушла, Элис спросила:

– А почему Хельга умеет читать, она что, из города приехала?

– Нет, она всегда здесь жила. А читать её научила мать, а мать научила бабушка. Лекарь должен уметь читать, потому что все болезни и все лекарства не запомнить, их очень много, надо записывать.

– А ты?

– А я ещё помню те времена, когда все умели читать.

– Это было очень давно?

– Да... очень.

– И ты совсем-совсем не старишься?

– Старюсь. Время никого не жалеет. Просто медленнее.

И ты тоже будешь жить долго... Если останешься здесь. – Шейла обняла её, отрешённо глядя в сторону леса.

– А ты... научишь меня читать?

– Обязательно.

– И я смогу прочитать все-все книги?

– Да. Все-все.

Элис не заметила, как вышла на тропинку, просто вдруг обнаружила, что земля здесь заметно утоптана. Похоже, не ей одной пришло в голову идти вдоль реки, и ходили здесь

часто. А вскоре тропинка соединилась с широкой тележной дорогой. Скалы и посёлок остались слева, дорога вела оттуда, по берегу, на юг, и, наверное, направлялась на ярмарку. Впереди, в лесу она должна сливаться с кружной дорогой из деревни, которая обходила верхний лес, изобиловавший камнями, оврагами и обрывами. Река здесь стала шире и полноводнее, встретив два ручья, что вытекали из леса.

Элис шла, прислушиваясь. Почему-то ей не хотелось встречаться ни с кем, кто мог бы знать её. Да и с тем, кто не знал – тоже. И хотя Хельга говорила, что плохих людей не бывает, что любой негодяй на самом деле просто не хочет признаться в том, что он хороший, и задача лекаря – не только лечить раны, но и помочь ему стать лучше... Шейла всегда боялась людей. Элис поняла это недавно, копаясь в воспоминаниях. И сейчас этот страх передался ей.

В деревне всегда недолюбливали Шейлу. Она была странная, пришедшая неизвестно откуда. Она всегда была для них чужой. Даже имя. Она говорила, что на древнем языке её предков «шейла» означало Серая Цапля⁴. А может быть, просто другие чувствовали её страх и неосознанно реагировали на него, ведь любые чувства порождают ответные.

Здесь она встретила отца и осталась жить с ним. Шли годы, и некоторые стали замечать, что время не трогает её.

⁴ Неизвестно, права ли Шейла, и с какого языка взято это слово. По общепринятой версии: Sile – кельтский вариант латинского имени Cecilia – «слепая». Но есть и другое похожее ирландское слово, означающее водоплавающую дичь.

По их представлениям она давно должна была превратиться в дородную домохозяйку, но она оставалась юной, тонкой и подвижной. Некоторые жалели её, некоторые завидовали, и Элис слышала, как несколько раз её в неосторожных разговорах называли ведьмой.

Впереди послышался скрип телеги. Элис нырнула в куст. Придорожные кусты были достаточно густыми, чтобы её не было видно с дороги, и она, особо не скрываясь, пошла вдоль неё. Вряд ли кто-нибудь будет вглядываться в чащу леса, и скрип телеги заглушит её шаги в густом папоротнике. Нужно только не наступать на трескучие ветки, но она, с детства много времени проводя в лесу, давно владела этим искусством.

Телега давно скрылась, но Элис продолжала идти по лесу. Земля здесь была ровная, деревья редкие, подлесок не очень густым, и идти было легко, даже приятнее, чем по засохшей колее дороги. Элис вышла на поляну с большим камнем в центре. Пошуршав травой, чтобы распугать греющихся на камне змей, если таковые там были, она забралась на него, достала из мешка книгу и полоску сушёного мяса.

И, хотя она видела эти картинки тысячу раз, помнила их до мелочей, она снова смотрела на высокие дома, и на море с пальмами, и на старый замок. Это было её королевство, которое она осматривала, словно чтобы убедиться, что всё на месте и всё хорошо.

Задумавшись, она смотрела в пустоту поверх страницы, и вдруг осознала, что видит... На камне краснела лужица крови. За ней ещё несколько капель. След тянулся в заросли папоротника. Там, на голой земле был виден чёткий отпечаток. Это был след лесного гурафа. Раненого лесного гурафа.

Элис шла по следу. Это было странно: гураф, причём раненый. Гурафы не устраивают стычки, в которых они могли бы ранить друг друга. Естественных врагов у них тоже нет, разве что волк, но волков в это время года здесь не бывает, они уходят на север. Значит, его ранил человек. Шейла всегда говорила: «самый страшный зверь – это человек».

Гураф в деревне не считался опасным зверем. Даже медведь обычно старается уйти подальше, едва завидев человека, что уж говорить про этого медлительного увальня. Гураф нападает, только если у него больше нет выхода, если его загнать в угол. Да и тогда любой опытный охотник смог бы справиться с ним, а уж тем более догнать раненого и добить. А раз следов человека нет – значит в его планах этого не было, или ему что-то помешало продолжить преследование. Может быть, охотник тоже ранен? Вряд ли. Должно очень сильно не повезти, чтобы толстый гураф поранил охотника.

Зачем мучиться догадками, если она скоро увидит всё сама. Пока она размышляла, ноги несли её назад по следу, туда, откуда пришёл раненый зверь.

Впереди показался просвет. Она вынырнула из густых зарослей упырника. Вот здесь всё и произошло, трава на поляне помята и... Запах дыма остановил её. Потухший костёр и лежащая человеческая фигура, накрытая пледом.

Что уж теперь, наверняка он её заметил, не имеет смысла скрываться. Она подошла и села напротив, так что угли костра оказались между ними. Он лежал на боку, подложив руку под голову. Из-под укрывавшего его пледа торчала серая окровавленная повязка. Лицо перемазано золой. Элис уже поняла, что он проснулся, почувствовал, что рядом кто-то есть и теперь пытается услышать её, понять с какой стороны и оценить опасность. Она сидела бесшумно, не давая ему возможности определить по звуку и тем самым не оставляя ему другого выбора как открыть глаза.

Некоторое время он смотрел на неё, потом одним движением сел. Чуть поморщился от боли в плече.

– Это гураф так тебя? – Первая спросила Элис.

– Не знаю, кто это был. Такой шустрый и с рогами.

– Ха! Это гураф-то шустрый! Да с ним и ребёнок справится, он же глупый как овца...

– У... у меня оружия не было. – Слегка смутился он.

– Кто же ходит в лес без ножа?

Он поднял с земли совсем маленький ножик, годный разве что для заготовки трав. Парень был слегка растерян, но не подавал виду, пытаясь казаться уверенным.

– Вообще-то я не собирался в лес. Так получилось. И во-

обще, ты кто?

– Я Элис. Живу тут неподалёку... жила. А теперь иду на юг, в замок барона Эдвина. Хочу наняться к нему на работу. А ты?

– Я Мартин. Иду на юг, в... Метоскул, кажется так это называется. Кстати, а где монах?

– Какой монах?

– Ну, здесь был... ночью. Не встречала? Такой в простой серой одежде, на поясе верёвка. Типичный такой монах.

– Неа. Откуда здесь монахи. *Спирит* что ли? У нас такие тут не ходят. На ярмарке – видела. Интересно, что ему здесь было надо. Детей воровать... в деревне детей нету больше.

– Он добрый вообще-то. Вышел прямо из леса, видит, что я ранен, помог мне, рану перевязал, травы насобирал и мне лечебный отвар сделал. Я с него спал, как убитый... Жаль мне его угостить нечем было, грибы я ещё вчера доел, а мясо от меня убежало. – Он пошевелил раненым плечом, проверяя ощущения. Потом протянул руку к кострищу, снял с рогатин прикреплённую над ним палку. – Точно, ушёл. И котелок свой забрал.

– А у тебя своего нет?

– Нет. – Грустно ответил он.

Элис вздохнула и поняла, что тоже хочет есть.

– Ладно, угощайся. – Она развязала свой мешок, достала кусок лепёшки, полоску сушёного мяса и флягу. – Ты идти-то можешь теперь?

– Легко. Он несильно меня рогом полоснул, только кожу пропорол. Да и монах постарался.

– Давай посмотрю, у меня мать лекарем когда-то была.

Рана, и правда, была неглубокая. Если не будет воспаления – через месяц останется лишь шрам. А воспаления не будет, рана выглядела чисто, очевидно, тот спирт хорошо промыл её отваром.

То, что он пришёл ниоткуда и в никуда ушёл, не удивило Элис: про спиритов всегда говорили, что они странные. А ещё говорили, что у них есть свои правила, и одно из них – помогать всему живому. Вот почему монах перевязал Мартина и ушёл, очевидно, продолжил свой путь по каким-то своим странным делам. Она перевернула повязку чистой стороной и снова завязала её. Странно, как низкорослый гураф мог достать до плеча. Наверное, он ударил его всей своей массой и уронил, а потом порвал рогом. Но Элис не стала об этом спрашивать. Гордость горе-охотника и так была уязвлена.

Метоскул... Элис слышала это слово на ярмарке, но не знала, что оно значит, а спрашивать у незнакомых торговцев стеснялась. Вроде бы, это какое-то крупное поселение далеко на юге. Замок барона тоже был на юге, но гораздо ближе, и Элис примерно знала дорогу.

– А как далеко Метоскул?

– Не знаю. Монах не сказал. Сказал только «Иди на юг, вдоль реки, тебе надо попасть в Метоскул».

– И ты ему поверил?

– Я привык верить людям. Особенно тем, кто мне помогает.

Элис замолчала. Она даже слегка обиделась на такой достаточно резкий ответ. Она сложила припасы в мешок и завязала его. Настало время сказать «пока» и пойти дальше. Но растерянный вид Мартина остановил её. Всё равно по лесу в одиночку он далеко не уйдёт, если даже гураф стал для него препятствием. Правила спиритов помогать всему живому... наверное, это правильно. И он же тоже идёт на юг...

И ещё... Элис только сейчас осознала, что в нём показалось ей странным. Произношение. Он произносил слова немного не так, как люди в деревне. Мягче. Совсем как Шейла.

И Элис решилась.

– Я тоже иду на юг. Пойдём вместе?

Радостная улыбка была ей ответом.

След раненого гурафа приводил к реке. Элис не собиралась отвлекаться на охоту, но его следы шли в нужном направлении, и было глупо отказываться от большого хорошего ужина. Мартину он был особенно нужен, похоже, он уже пару дней не ел нормально. И вот зверь ушёл по воде. Теперь след его мог появиться ниже по реке. Вряд ли, раненый, он стал бы плыть против течения. Элис осмотрела глинистую отмель, где он вошёл в воду. Следы сразу уходили под углом

в южном направлении. Она прошла несколько шагов по течению, и вдруг внимание её привлёк чёткий человеческий след. Плоская подошва с гвоздиками по краю, и даже след от ремешка с боков.

– Это монах! Он был в сандалиях, я помню. – Мартин присел рядом, разглядывая след.

– Совсем недавно, смотри, даже вода не размыла.

– Утром. Думаешь, он тоже шёл по следу?

– Скорее всего. И он догнал нашего гурафа. Или скоро догонит. Я бы не стала вставать на дороге спирита. Кто знает, что у него на уме.

Мартин недоверчиво посмотрел на Элис. Похоже, он так не считал, но не стал возражать.

– Кто он такой вообще, расскажи.

– Ну у нас о спиритах знают не много. Слухов всяких довольно, но не всему можно верить. – Элис, прищурившись, посмотрела на солнце. – Они живут где-то в горах и молятся своему богу, к нам спускаются редко. Иногда пара монахов приходит на ярмарку и зазывают к себе народ. Обращают в свою веру. Обещают им счастье, говорят, что бог сделает их счастливыми. Ещё призывают не думать о будущем и прошлом, жить сегодняшним днём, текущим моментом, о времени будет думать за тебя бог. Говорят, что в жизни не нужно имущество, потому что бог возьмёт тебя к себе голым, не позволив захватить с собой ничего. А те, кто думают только о вещах – совершают главный грех, привязывающий сво-

бодный дух к земле. Я сама слышала, как это говорил монах на площади. Но Шейла говорила, что им там, в горах, просто нужны слуги, которые работали бы просто так, за веру.

– Если подумать, мы все работаем просто так, за веру, просто вера у нас разная...

– А ещё говорят, они забирают детей и воспитывают у себя в горах. И из этих детей как раз и вырастают настоящие спириты. Шейла права, работники с ярмарки вряд ли станут кем-либо выше слуг. А вот дети... наверное, могут.

– И что, родители просто так их отдают?

– По-разному. Иногда это сироты, или дети тех, кого они забрали в слуги. Иногда селяне сами отдают, если не прокормить. Монахи дают щедрую награду, а бедные надеются, что детям там будет хорошо. Но только спириты предупреждают, что они больше никогда не увидят своих детей.

А ещё они могут одним жестом успокоить лошадь. Они очень хорошие лекари. Бывает, к ним обращаются, если кто-то совсем заболел, но это только если уже совсем никто не может вылечить. Потому что они могут потребовать непомерную и странную плату... Так что тебе повезло, что ты его встретил. А ещё больше повезло, что он потом ушёл, ничего с тебя не попросив.

– Тогда я понимаю, почему ты не хочешь встречаться с ним. Странно, что он исчез. Вдруг он вернётся и потребует какую-нибудь странную плату... – Мартин улыбнулся. – Например, заберёт тебя. И мне придётся идти одному.

Солнце уже перевалило за полдень. Чтобы случайно не встретиться с монахом, они вернулись на дорогу, хотя и не было уверенности что он и дальше будет идти по берегу реки.

– Прости, если это тайна, а зачем ты идёшь в Метоскул?

– Ищу кого-нибудь, кто мне поможет попасть домой.

– Так ты просто заблудился!? Тут совсем недалеко есть посёлок, там тебе могли бы помочь! И не надо так далеко идти! Ты был там?

– Был, но я туда не хочу возвращаться. Меня сразу поймают и, наверное, убьют.

– А за что они тебя так ненавидят?

– Моё появление здесь сопровождалось некоторым... потопом. В посёлке пару домов смыло, и они считают, что это я виноват.

Элис задумалась. Мысли спутались, столько всего сразу хотелось спросить. И она спросила главное.

– Откуда ты?

Теперь задумался Мартин.

– Я и сам прежде хотел бы спросить «куда я попал». Похоже, меня занесло очень далеко. Дальше, чем я мог бы вообразить. К счастью, мне часто рассказывали о подобных штуках, и я готов в них поверить. Но не знаю, готова ли ты...

– Готова, – улыбнулась Элис, уж очень смешно и пафосно он выразился. – Моя мать тоже была не из этих мест, и мне

много рассказывала о странных штуках.

Он выдохнул и...

– Похоже, что я выпал из какого-то другого места, бывают такие *ворота*, в которыеходишь... и выходишь совсем в другом месте. И похоже, что я случайно угодил в такие *ворота*, потому что никакое другое объяснение не подходит. Здесь всё другое. Это совсем другие места для меня. И, кроме того, я был в странном месте, где когда-то давно уже происходило такое, там раньше были ворота, но они исчезли.

Элис смотрела на него удивлённо, но, похоже, верила ему.

– Я составлял карту своего королевства...

– У тебя есть своё королевство? Ты что, король?

– Нет, не я. Но король у нас есть. Точнее, был.

Шейла рассказывала ей сказки про королей. Хотя мать говорила, что, когда она была маленькая, в некоторых землях ещё правили короли, всё равно, это было для неё лишь сказками, отделять которые от окружающего мира она уже умела.

Мартин продолжал.

– Так вот, я облетал королевство, чтобы составить его карту. И высадился на западных скалах... Отпустил дракона, чтобы побродить по ним...

– Облетал?.. Дракона?..

Элис думала, что она уже не может удивиться сильнее. То, что она знала про драконов, было ещё удивительнее. По рассказам матери драконы жили на земле ещё раньше коро-

лей. Может, он свалился сюда не только из другого места, но и из другого времени?

– Ну... что здесь такого? Вообще-то, это не мой дракон... – Мартин смутился, и Элис догадалась, что и для него это не столь обычно. Наверное, ему не полагалось летать на драконе. – Я одолжил его... у родственников.

Элис молчала, недоверчиво глядя на него, и Мартин путался всё больше.

– Ладно, про драконов ты мне потом расскажешь, – смилостивилась она, – если ты будешь отвлекаться, мы никогда не дойдём до тебя.

– Ну так вот, про скалы. Про эти скалы говорили, что раньше в них был проход, и Генри плавал через него на лодке в город...⁵ Гринвуд, кажется. Он вроде бы оттуда родом. Ещё он говорил что-то про Аделаиду... Я иногда запоминаю названия, но не помню, к чему они относились, и что это вообще такое. Особенно если они красивые...

Но проход давно закрылся. Я, и правда, нашёл в скалах лодку. Там так красиво, остров небольшой, но он весь как будто расколот на кусочки, и по этим трещинам можно плавать на лодке. И я решил нарисовать их на моей карте. И вот я плавал по ним и рисовал, и вдруг... – он сделал эффектную паузу, поднял руки... – вода подо мной устремилась в один из протоков. Мою лодку сорвало и бросило, как с водопада, а потом стукнуло о камни так, что она разбилась в щепки.

⁵ Об этом говорить в повести РоЛаДаэ

Меня било и кидало, я уцепился за какой-то камень...

Было темно и холодно, дул несильный, но постоянный ветер. Он охлаждал мокрую рубашку, и Мартин совсем замёрз. Он пошевелился. Всё тело болело, но, кажется, ничего сломано не было. Он поднял голову. При свете луны ему предстали лишь острые камни. Он находился вроде бы, в том же ущелье, но вся вода внезапно ушла. И была глубокая ночь, вероятно, Мартин провалялся долго без сознания.

Держась за камень, он осторожно встал. Дно ущелья оказалось достаточно ровным, хоть и было завалено крупными острыми осколками. Местами показывалась гладкая, отполированная потоками воды, каменная поверхность. Он медленно пошёл вперёд. Постоянный ветер, ни на мгновение не прекращаясь, тихонько подталкивал его в спину. Он двигался, собирая растрёпанные мысли. Самая умная была о тщетности своего продвижения, ведь на этом острове всё равно никого не было, и он шёл только для того, чтобы хоть что-то делать. Он подумал, что если громко закричать, то, может быть, кто-нибудь услышит, и тогда не нужно будет идти. А если не услышит, то идти всё равно не надо будет, потому что это будет значить, что никого нет.

Мартин собрал силы, глубоко вдохнул и закричал. Что он кричал – он и сам не понимал и не запомнил, да это было и неважно. Его голос подхватил ветер, стены ущелья задрожали, и он слышал, что скалы повторяют его голос, всё

дальше и дальше, унося вперёд. Всё. Теперь его наверняка слышно на всех островах. Если там кто-нибудь есть – он придёт. Остаётся только ждать. Этот крик и небольшая прогулка достаточно утомили его побитое тело, и больше двигаться не хотелось. Дождаться дня и тогда... Мартин не знал, что тогда. Он дохромал до ближайшего камня и тяжело опустился в чёрную тень.

Его вывел из оцепенения звук шагов. Кто-то приближался к нему по ущелью. Он высунулся из-за камня. Свет луны делал камни ущелья чёрно-белыми. Вдали замелькала тень. Что-то в ней насторожило Мартина. Она была человеческая, но с головой было что-то не то. Тут он разглядел. Рога. На голове незнакомца были рога. Станный, детский страх заставил его спрятаться. Незнакомец останавливался, оглядывался и снова шёл вперёд. Вот он приблизился, прошёл ещё немного вверх по ущелью. Мартин набрался храбрости и выглянул. Незнакомец стоял к нему спиной. На голове его, действительно, были рога. Он наклонился, потом выпрямился, поднимая что-то к лицу. И резкий звук трубы зазвенел и отразился от стен ущелья, постепенно удаляясь.

Мартин подумал, что в другое время он бы радостно бросился навстречу, но сейчас непонятный ужас заставил его притаиться. Незнакомец пошёл дальше, время от времени останавливаясь и трубя. Мартин поднялся и поспешил в другую сторону, хотелось выйти из ущелья до того, как рогатый пойдёт назад. Почему он был в этом уверен, Мартин не знал.

Впереди ущелье расступалось и начинало идти круто вниз. И там, впереди, горели тёплые огни какого-то поселения. Слышался шум, далёкие крики, лай собак.

– Тебя же побило о скалы! – В ужасе прошептала Элис, оглядывая его. На локтях и правда были заметны синяки.

– Мне повезло, ничего себе не сломал! – Хвастливо ответил Мартин. – Ущелье вывело меня прямо к посёлку. Внизу горели факелы, метались люди, сзади оглушительно трубил рогатый... Так громко, что даже скалы дрожали.

– Это Большая Труба! Вот почему она трубила той ночью! Всё ясно, ты вывалился как раз из Большой Трубы! – Элис улыбнулась чему-то, чего он не понял.

– А что такое эта большая труба?

– Это просто ущелье такое. В посёлке называют его Большая Труба, потому что если в нём затрубить – звук разносится так далеко, что даже в самых дальних деревнях будет слышно. А иногда из него доносятся странные звуки. Старики говорят это голоса духов. Но все знают что это шаман забирается куда и кричит. В праздники он входит в ущелье у всех на виду и кричит там и трубит в трубу, объявляя начало праздника.

А ещё, если у кого-нибудь пропадёт корова или какая-нибудь другая беда, он уходит в ущелье, кричит там, и трубит... а потом рассказывает, что говорил там с духами, но не думаю, что все всерьёз верят в это.

– Ха! Здорово! У вас есть шаман!

– Ну, не у нас, а в посёлке... Ну да, есть. На самом деле, реальной пользы от него никакой, но люди считают: раз есть шаман, так почему бы его не позвать погонять духов, например если новый дом строят или ещё что. Хуже-то не будет. Вот тем он и живёт. Так что с тобой дальше было?

– Я оказался прямо над посёлком, луна как раз вышла, и я увидел, что там случилось. Люди бегали и кричали, я увидел следы разрушений. Один дом был развален, другой целиком смыло в реку. Я подумал, что это сотворил тот самый водяной поток, который смыл меня.

Позади меня снова оглушительно затрубил рогатый, совсем близко, я с испугу побежал вперёд. Из посёлка шла толпа людей с факелами, прямо на меня, к ущелью, наверное они хотели узнать, откуда пришёл поток, но заметили меня.

Кто-то закричал, несколько жителей побежали вперёд. Я подумал, что мне ничего хорошего не светит, если меня поймут, и ломанул в кусты. Я был прав, потом, уже утром, я разглядел всё получше: в реку смыло два дома, кто-то утонул, кажется ребёнок. Они мне не простили бы этого. Тогда, ночью. Убили бы на месте, не разбираясь...

Элис задумчиво молчала, пытаясь уложить в голове эту массу невероятных сведений.

– А ты не думал, что если где и есть путь назад, то он лежит через то же ущелье. Ты сказал *ворота*, а вдруг они только одни?

Мартин застыл. Две мысли боролись в нём. И первая была «Какой же я дурак!», а вторая «А вдруг я *никогда* не вернусь домой?»

К счастью, они ушли не очень далеко. Посёлок остался слева и сзади, и, если срезать прямым через луга, можно было вскоре прийти на берег реки, на другой стороне которой, прижатый к отвесным скалам, стоял посёлок. Они дошли туда быстро, солнце ещё не коснулось гор, а они уже сидели на берегу, скрытые от посёлка густым кустарником.

На том берегу копошились люди, стучали топоры, слышались голоса мастеров. Жители посёлка, не теряя времени, стирали следы разрушений. Раскатившиеся брёвна давно были убраны, один из домов сверкал свежеструганными жёлтыми фронтонами и новой соломенной крышей.

– Давай я схожу и узнаю, что там случилось. Если что – меня здесь знают. Скажу, что корову ищу или траву собираю... ну, не важно. А ты здесь спрячься. А когда стемнеет – проберёмся в ущелье.

Мартин согласно кивнул и развалился под кустом, положив под голову мешок. Элис исчезла мгновенно, он даже не услышал как зашуршала сухая прошлогодняя трава. Остывающее закатное Солнце ещё грело, но холодные тени скал напоздали с той стороны реки.

Неверно было бы сказать, что за эти три дня многое произошло. За эти три дня изменилась вся его жизнь. Родной

дом, хранящие тепло стены замка, библиотека и столы, заваленные картами. Ондион, сёстры, и Тин. Пыльные залы столы, похороны короля Шеннона, принцесса Шейла... Старина Индрэ, голубой огонь в его горне и странные машины, озаряемые этим огнём. Всё это осталось где-то там, по ту сторону ревущего потока, пронсящего его сквозь бутылочное горло и бросающего его на камни в ночь...

Он прижался спиной к камням. Стена была нагрета солнцем, и это почему-то обрадовало его. Их было больше десятка, и они сначала преградили ему дорогу, а потом обступили, прижали к стене. Мрачно и решительно, словно желая напугать его, ну, или, может быть, соблюсти торжественность момента...

Он видел, как это произошло. Не было никакой причины, кроме упрямства и ложной чести. Ложной, потому что, не будь во дворе никого – они бы и не подумали унижать друг друга. Всё было сделано на публику. Дарси, вылетев из двери, чуть задел Глена плечом, и тот, ещё не зная, что это его лучший друг, ударил наугад с разворота.

Никто, никогда не смел задеть эту парочку, и не потому, что они были грубиянами или хулиганами. Они были гарантией прав и справедливости. В той степени, как понимали это сами, равняясь на легенды о героях. Любой, даже самый младший студент мог прийти к ним с жалобой, и тогда плохо приходилось грубияну.

Глен, развернулся, и только тогда понял, кого ударил. А удар был сильным, настолько, что Дарси чуть не упал. Глен бросился вперёд, чтобы поддержать друга, но тот грубо оттолкнул его. Вокруг уже собралась толпа. Кто-то смотрел на это удивлённо, и даже испуганно, ведь это было сотрясение основ справедливости. Были и такие, кто радовался, предвкушая любые события, разнообразящие череду дней скучной учёбы. Толстый Бран, всегда недолюбливавший «героев», уже хлопал в ладоши, приговаривая «Бей! Бей! Бей!»

Они стояли напротив, тяжело дыша, словно схватка уже происходила в их мыслях, в любой момент готовая прорваться в реальность. Кулаки сжимались, и ярость... Их прервал колокол, возвещавший начало занятий.

«За мостом, на закате!» – Сквозь зубы сказал Дарси, и, не оборачиваясь пошёл к воротам.

Теперь разница в возрасте чувствовалась меньше, но они по-прежнему считали Мартина досадным, надоедливым мальшом, хотя их кодекс чести не позволял им его прогонять уж слишком часто. А Мартин скорее по привычке держался за них. Впрочем, это давало ему такое же преимущество, как воробью около гнезда орла. И, пожалуй, он был даже благодарен им за то чувство справедливости и защищённости... но теперь оно грозило пошатнуться. Мартин знал их достаточно хорошо, чтобы видеть: они оба не хотят этой ссоры, и лишь оглядка на других, и та самая ложная честь, толкали их к разрушению.

Мартин поймал его в подземном проходе возле северной башни, где Вальтер обычно читал лекции по философии.

– Глен, я говорил с Дарси, он не хочет драться с тобой.

– Да? – Надежда явно мелькнула в его голосе. Но тут же была поспешно подавлена и спрятана. – Заткнись, твоя голова просто не вмещает такие понятия.

– Какие?

– Честь, совесть, долг, например.

– Да при чём здесь долг! Представь, нет никого! Только ты и Дарси. Стали бы вы драться одни, посреди пустыни? Я же видел, ты хотел поддержать его!

Глен занёс тяжёлый кулак, остановился... и опустил его.

– Он, правда, не хочет драться? Это он сказал тебе?

– Да!

Глен вдруг улыбнулся.

– Я уже вижу, как толстый Бран воеет от досады...

И вот теперь, Мартин стоял, прижавшись спиной к стене, а толстый Бран что-то злобно шипел ему в лицо. И те, которые обступили его, испытывали к нему только презрение. Мартин не слушал, всё было ясно. Он был далеко, не здесь. Лишь старые камни позади были тёплыми и реальными.

Он не заметил, как задремал, и не заметил, как проснулся. Казалось, Элис только что что была здесь, ещё не исчез её голос, говорящий «...корову ищу или траву собираю... ну, не важно», и вот она уже снова здесь, трясёт его за плечо.

И правда, была уже ночь. В посёлке на той стороне теплым светом горели окна.

– Ну что там?

– Как я и думала. В Большую Трубу полагается ходить только шаману, жители обычно туда не ходят. Шаман всегда пугал, что это земля духов, и не нужно им докучать. А сейчас, говорит, кто-то нарушил их покой, и духи *изблевали* его из Большой Трубы, и гнев их разрушил посёлок. Ну, и виноват в этом, конечно же, ты. Они же тебя видели, когда ты выходил из ущелья.

– И что теперь делать? Идти воевать с духами?

– Не смейся! Нет там никаких духов. Да ты и сам видел. Пойдём.

Луны не было, и кусты хорошо скрывали их. Но идти вдоль воды было достаточно легко. Вскоре показались тёмные контуры моста. Они по одному перебежали на ту сторону и снова скрылись в кустах. Посёлок был прямо перед ними, занимая ровную площадку, за которой поднимались почти отвесные скалы, а слева к посёлку выходило ущелье. Элис двигалась совершенно бесшумно, и Мартин временами терял её. Вот она снова появилась и потянула его за руку.

Они вышли на открытое место между скалами и домами. Земля здесь была утоптанная, и можно было идти бесшумно. Если бы светила луна, они были бы открыты и беззащитны посреди главной площади посёлка. Но, наверное, духи были на их стороне, и ночь была непроглядна. Ещё более

тёмной тенью появилась Элис, блеснули её глаза. Невидимая рука потянула его вперёд. Утоптанная земля сменилась твёрдым отшлифованным камнем. Мартин подумал, что наверное, когда-то давно здесь проходил поток воды, может быть, горная река протекала по ущелью, и поток, который стал причиной всех его несчастий был лишь отголоском того древнего потока.

Они шли молча, Мартин иногда спотыкался о камни и удивлялся, как Элис умудряется их видеть в такой темноте. Элис шепнула «тише!» Он хотел возразить, но голос не повиновался ему сразу. Прокашляться он не решился. Она была права – любой звук в Большой Трубе мог громом отозваться в посёлке. Слабый, но постоянный ветер тёк в ущелье, относился и усиливая каждый звук. Сейчас он был для них ориентиром.

Вдруг, всё осветилось белым светом, словно кто-то зажёл яркий фонарь. Он появился прямо впереди – огромная чуть красноватая луна показала свой край из-за скал. Она не оставляла полутеней: всё ущелье было разбито на черные и белые угловатые осколки. Ущелье расширилось, и ветер, постоянно дующий здесь, казалось, утих.

– Мы уже зашли достаточно далеко. Похоже, даже шаман сюда не заходит. Ты помнишь, где тебя выбросило?

– Где-то здесь. – Ответил Мартин, в очередной раз споткнувшись. – Но я ничего здесь не вижу.

Элис села на круглый камень. Продолжать поиски было бессмысленно. Они прошли ещё немного и нашли удобную расщелину, заросшую мохом⁶ и сухой травой. Камни ещё хранили тепло. Луна поднялась высоко, Мартин лежал на спине и смотрел на тёмные контуры на лунной поверхности.

– Говорят, на Луне тоже есть горы.

– Тогда там тоже есть ущелья, как это.

Элис опустила руку рядом и тоже стала смотреть на Луну.

– Только там не светит Луна. Ведь не может же светить Луна на Луне.

– Там светит Земля.

Мартин почувствовал, что Элис улыбнулась. Не поверила.

– Расскажи мне про драконов.

Всё вокруг было окутано ярким белым светом. Она шла по коридору за кем-то. Он вёл её вперёд, мимо множества стеклянных дверей, за которыми проплывали солнечные сады с фонтанами, хрупкие перила балконов и заснеженные горы, пещеры с разноцветными сосульками...

Он остановился и подошёл к одной из дверей, раскрывая её перед ней. Элис вошла. Помещение было сумрачным, похожим на винный погреб, но здесь было сухо. В воздухе висело что-то знакомое, похожее на запах трав или лекарств, а может быть, так пахло в кожевенной мастерской... Длин-

⁶ оставлено авторское написание

ные ряды прилавков уходили вдаль, над ними вились прозрачные трубки, и опускались в плоские лотки. Станный шум привлёк её внимание, похожий на непрерывный плеск, какой можно услышать ночью на берегу пруда, полном лягушек.

– Шейла, ты интересовалась, как мы выращиваем мясо. Смотри.

Она заглянула в ближайший лоток. Там бился в судорогах какой-то тёмный живой комок.

– А... почему он сокращается?

– Несложно получить живые белковые волокна. Но они будут по-настоящему вкусными, только если их заставить работать...

Элис вздрогнула и проснулась... Ей почудились шаги. Но нет, всё было тихо. Стало совсем темно, ни луны, ни звёзд. Камни ущелья уже остыли, и становилось прохладно. Она закуталась получше в плащ.

Снова шаги. Кто-то шёл по коридору. Элис вжалась в стену. Наверное, охранник делает обход. Если он её заметит – всё пропало, зажатая в стенной нише, она не сможет убежать. А через несколько минут здесь будет с десяток техов... Главное – остановить все мысли и не шевелиться.

Он вошёл, остановился у входа и стал медленно оглядывать зал. У Элис замерло сердце – страж был в больших очках. Значит, он её увидит. Его голова медленно поворачива-

лась, обозревая столы и стойки с мёртвой аппаратурой, плети проводов, свисающие из дыр в потолке, похожие на лесной плющ. Скоро он повернётся и увидит её, тёплую, стоящую на фоне холодной стены, видимую в тепловых очках, как среди солнечного дня.

Перед ней, в двух шагах, была стойка, вертикальный, раскрытый шкаф, в который уходили две гирлянды проводов. Внутри горели два красных огонька. Она работала! Элис, неслышная, словно превратившись в призрака, сделала эти два шага и прижалась к железной раме, к проводам, красным огонькам, простёрла руки вдоль стального каркаса, стремясь стать их продолжением. Рама не показалась холодной на ощупь, значит решение было верным: стойка работала и была достаточно тёплой, чтобы спутать по температуре с человеком.

Голова охранника, наконец, повернулась в её сторону, взгляд чуть задержался на стене, у которой она только что стояла. Похоже, она нагрела стену своим телом, и теперь он увидел на холодной панели яркое пятно. Только бы он не захотел посмотреть поближе...

Страж сделал шаг в её сторону. Элис напряглась, готовая рвануться и побежать. Но он повернулся и зашагал в коридор.

Она беззвучно сползла на пол. Тяжёлый свёрток в поясной сумке стукнул о плитку. Элис вздрогнула и собралась. Охранник был уже далеко, и не услышал, но это была непро-

стительная слабость.

Элис перекатилась к главному проходу. Теперь на её пути не было ни столов, ни проводов. Только закрытая дверь в конце. Как только она её откроет... Дальше всё будет зависеть только от её скорости. Ну... поехали.

Она приложила карманом к стенной панели. Дверь тихо пискнула и откатилась в сторону. Элис уже бежала дальше, ожидая привычного тоскливого звука множества голосов, но всё было тихо. Может быть, эта дверь не охранялась? Может быть. Она сбавила скорость, чтобы обратить больше внимания на бесшумность. Ступеньки пролетали под ней как в странном сне, она летела, словно не касаясь их, с одной лестничной площадки на другую, потом, схватившись рукой за перила, разворачивалась в полёте и падала по спирали дальше. Сумка на поясе не мешала, но она добавляла массы при развороте, и Элис чувствовала, что там что-то очень ценное, то, ради чего она здесь, ради чего бежит и скрывается.

На следующем этаже перил не было, железо торчало ржавым изогнутым жалом. Пришлось затормозить полёт. Сквозь пробитую стену был виден бледный свет, и там, внизу, ржавые крыши и трубы до самого горизонта.

Элис развернулась и остановилась на краю пустоты. Дальше отсутствовал целый пролёт, и два этажа вниз были видны только поцарапанные стены, разбитые окна, развороченные железные прутья. И темнота в самом низу. Времени думать

не было: по плану она должна бежать как можно быстрее. Наверняка стражи уже увидели её и пытаются перекрыть ей дорогу. Она прыгнула прямо в эту пустоту, ощутив невесомость, как во сне. Хотелось поддаться ей и на самом деле скользнуть в этот уютный сон, и тогда всё кончится, не надо будет никуда бежать... Нельзя. Главное в полёте сохранить равновесие, чтобы упасть на ноги и снова бежать.

Чудовищная сила вдавила её в пол, она упала на колени, потом на руки. Под пальцами – мягкая земля. Повезло. Она оказалась в большом зале с низким потолком. Ржавые тележки с решётчатыми бортами по обеим сторонам от прохода. Вдали горела тусклая жёлтая лампа. Там ждал её друг. Где-то далеко в глубине здания затрещал звонок. Она рванулась и побежала. Другой звонок ожил уже чуть ближе и тут взревело и завывало всё вокруг. Она выскочила на открытое место, у решётчатых ворот стоял байк. Откуда-то она знала, что эта страшная шипастая штука на двух колёсах называется байк. Человек в чёрной маске пнул его ногой, и байк тихо заурчал.

– Шейла, скорей. – Тёплое ощущение от его уверенного голоса.

Решётчатые ворота дёрнулись и стали медленно закрываться. Она запрыгнула на сиденье и прижалась щекой к кожаной куртке, пахнувшей мазутом... тем самым запахом из детства.

Она почти не слышала, как взревел под ними байк, не почувствовала, как он дёрнулся, едва не скинув их, не видела,

как мелькали вокруг разбитые стены, трубы и искорёженное железо. Всё, что ей надо – было с собой, здесь и сейчас: широкая спина в кожаной куртке, к которой она прижималась, и запах мазута.

Когда Мартин открыл глаза, солнце ярко светило над ущельем. Камни быстро набирали тепло, испаряя остатки росы. Элис сидела к нему спиной, раскладывая вещи на плоском камне. Маленькая фигурка лошадиной головы стояла рядом с плоской шкатулкой, рядом лежал нож и ещё тряпичный свёрток. Элис смотрела в раскрытую книгу, задумавшись о чём-то. Она не очнулась даже когда он тихо подошёл сзади и заглянул. Весь разворот занимала картина: замок на скале, со множеством башен, высоких шпилей и воздушных мостиков. Флаги трепетали на ветру и чёрные птицы кружились над ним. Картина была написана очень реально, казалось, если смотреть не отрываясь, то можно услышать, как кричат эти птицы.

– Похож на наш Королевский Замок. Хорошая работа. Я бы не смог так нарисовать.

– Её не рисовал человек. Это сделали солы. Шейла говорила, эта картинка нарисована солнечными лучами, и настоящий замок просто отразился в книгу. Как в воде или в зеркале.

– Хотел бы я научиться так делать! А где живут эти солы?

– Не знаю. Они везде. И нигде. Как духи. Так говорят.

А ещё говорят, они питаются солнцем, могут летать по небу и убивать молниями. Но я не верю. Они люди. А Шейла говорила, что раньше все люди были такими. Ну, или почти такими.

Мартин задумался. Потом тряхнул головой и стал тоже вытряхивать свой мешок. Шейла закрыла книгу, взяла с камня лошадь и шкатулку, сложила всё в сумку. Повесила на пояс нож. Потом встала на камень, оглядываясь и, увидев что-то, убежала в скалы, оставив Мартина копаться в мешке.

Когда она вернулась, то застала его в совершенно расстроенном состоянии. Это было видно ещё издали. Его вещи были разбросаны по всей расщелине, он стоял посреди и беспомощно озирался.

– Я нашла осколки лодки. А у тебя что случилось?

– Чаша пропала...

– Какая чаша?

– Ну, на самом деле это и не чаша вовсе. Да и вообще никто точно не знает, что это. Понимаешь, это какая-то древняя штука. Я собирался лететь к Элсин, и Пони дала мне чашу, чтобы я передал ей. Но меня занесло на остров и всё такое...

– Ты уверен, что не потерял её, когда тебя смыло потоком?

– Уверен. Вообще, мне сильно повезло. Когда меня понесло течением, я надел свой мешок за спину, чтоб не мешал мне грести и цепляться, и, как меня ни кидало – все вещи остались целы. Тогда, утром, я осмотрел всё, ужасно

хотелось есть, я даже нашёл там промокшую лепёшку. Чаша была на месте. Теперь Пони ужасно расстроится! Она была очень ценной.

– Глупый ты. Тебе бы домой вернуться, а ты о каких-то чашах думаешь. Давай лучше ворота искать.

Они осмотрели осколок лодки, который нашла Элис. Потом обнаружили ещё несколько расщеплённых досок, и даже большой кусок кормы. Потом Мартин показал камень, у которого он очнулся. Но было видно, что его мысли заняты пропажей.

– Это монах! – Вдруг закричал он. – Проклятый спирт спёр её. Напоил меня сонным отваром и ушёл, прихватив чашу. Я вспомнил, как он косился на мой мешок!

– Может быть. Это вполне в их духе. Они не признают имущество. И сами ничего не имеют, и чужое легко взять могут. Знаешь что, – она подошла к нему совсем близко, – не расстраивайся, могло быть и хуже. Знаешь, что было бы, если бы он порылся в *моём* мешке?

– Что? – Вяло отреагировал Мартин.

– *Все бы умерли!* – Зловещим шёпотом сказала Элис.

– Ну, пожалуй, я бы не расстроился, если бы умер этот *вор*.

– Ты не понял. Не только он. Но и мы, и все в деревне... *вообще все!* И вообще, кто ты такой, чтобы желать кому-то смерти. Да, мне спириты тоже не нравятся, но желать смерти... ведь смерть – это вообще, самое последнее, самое плохое, что может быть. И этого нельзя исправить. А чашу ещё

можно найти.

Мартин даже растерялся. Ему было стыдно оказаться в её глазах жестоким. Этому его никогда не учили. В книгах обычно прославлялась сила, отвага и воинская доблесть. Пусть на защиту слабых. Справедливая, но всё же, по сути, жестокость...

– Прости. Я не подумал.

– Меня-то за что? – Мягко возразила Элис. Ей вдруг тоже стало стыдно за свои резкие слова. – Вот, смотри...

Она осторожно открыла свою шкатулку. В самом её центре, обложенная обрывком ткани, сверкала маленькая склянка с золотистой жидкостью. На стекле синим пунктиром нарисованы буквы.

– Что это? – Мартин хотел её взять, но Элис захлопнула крышку и быстро убрала шкатулку.

– Я же сказала, *смерть*. Если она разобьётся – все умрут. Если вдруг увидишь её разбитой – беги. Тогда, может быть, спасёшься. Совсем беги. Шейла говорила, как можно дальше, на другой конец мира, потому что скоро здесь все умрут.

– Ты не врешь? – По его виду читался другой вопрос: «Ты же не будешь её разбивать?»

– Нет. – Ответила она сразу на оба. – Я бы спрятала её где-нибудь, но вдруг кто-нибудь найдёт. Уж лучше иметь её при себе.

– А можно её как-нибудь уничтожить?

– Не знаю...

Вдруг Мартин пригнул её к земле.

– Кто-то идёт. – Сказал он тихо.

Покатился камень. Элис и сама уже различила тихие шаги. Звук доносился спереди и приближался. Они быстро отползли за стоячую скалу.

– Это шаман. – Шепнула Элис.

Невысокий человек в кожаной куртке деловито прошагал в сторону посёлка.

– Когда он успел пройти *туда*, – Мартин указал вперёд.

– Наверное, ночью, пока мы спали. И нас не заметил. Интереснее другое: *что он там делал?*

Они остановились там, где ущелье разделялось на два рукава. Точнее, наоборот, два распадка сливались, образуя широкое русло, по которому они пришли. Между ними поднималась скала, гладко обточенная древними течениями. Они расположились на привал прямо под ней, совершенно не заботясь о шамане, который мог вернуться. Элис не боялась его, как не боялась духов. Кроме того, с ней был Мартин, который был ростом, пожалуй, повыше шамана.

– Личинок хочешь? – Элис развернула ткань, рассыпав опилки и сухие листья. Мартин посмотрел и поморщился.

– Не люблю я слизняков всяких.

– Ну, ты прямо как Шейла. И вообще это не слизняки! Улитка вкусная только в раковине, а лысый слизень – горький, и от него потом живот болит. Это любой ребёнок знает.

А это – личинки, у нас в деревне все их едят. И дети в лесу собирают. А если их пожарить на масле – вообще объедение! Хочешь – пожарю?

Мартин помотал головой.

– Потом. Не разводить же здесь огонь. Ветер в посёлок, ещё учуют – а тут бежать особо некуда. Он огляделся. Что-то привлекло его внимание.

– Смотри!

Над ними, на уступе центральной скалы чернел какой-то предмет. Элис вгляделась, но понять, что это, отсюда не удавалось. Они обошли скалу. Туда можно было забраться: чередой уступов шла по кругу, всё выше и выше.

Это оказался железный фонарь. Пузатый и почерневший, с ручкой сверху. Кто-то оставил его на уступе, откуда открывался отличный обзор на всё ущелье. Случайно?

С этого уступа выше было не пройти, но скала здесь расщеплялась, образуя несколько вершин. Мартин заглянул в ближайшую расщелину. В ней было сумрачно, и она уходила вниз. Но по краю он нащупал карниз, а впереди в скале темнело отверстие.

– Здесь пещера! – Донёсся из расщелины голос Мартина. Элис пролезла за ним. Отверстие было круглым, а пол в проходе – идеально ровным, в конце коридора сиял яркий солнечный свет, в котором она видела силуэт Мартина. Десять шагов в темноте, и она застыла на пороге комнаты.

Лавка и стол у окна. Круглое окно выходило куда-то в ска-

лы. На столе лежала раскрытая книга и широкая шкатулка с рядом цветных квадратов на крышке. Луч света падал на стену и полку, на которой лежало ещё несколько непонятных предметов. Сначала Элис стало страшно, и только потом она поняла почему. Хотя, всё было здесь не так, но по ощущениям это напоминало ей *мельницу*.

Мартин протянул руку к столу.

– Нееееет! – Закричала Элис. Он замер и удивлённо посмотрел на неё.

– Это всего лишь какая-то машина. У нас Индрэ, кузнец, делает всякие... – Голос Мартина звучал уверенно и спокойно, но Элис дрожала.

– Они... убивают.

– Ну ты что, успокойся, – Мартин подошёл к ней, – убивают люди. Машины сами не убивают.

– Элис, ты трусишка!

– Питер, перестань!

– Трусишка, трусишка! Как глупая мышка!

Они стояли у моста на пыльной дороге, что вела из деревни на юг. Мост был той границей, за которую детям не полагалось уходить одним. За мостом была развилка. Правая дорога уходила на север, к Гранейским скалам, и дальше, вдоль Северного Склона, а левая делала крюк, снова выходя к реке, и дальше следуя вдоль берега. Там река разливалась, образуя запруды. В гладкой воде отражалось колесо мельницы.

И это зрелище странным образом манило их.

Шейла раньше ходила туда. Всегда одна. Элис тогда была ещё совсем маленькая. Но и отец никогда не ходил с ней. А Питер и вообще, наверняка, не помнил. Мельник умер год назад, и теперь колесо не вращалось. И раньше на мельницу ходить побаивались, некоторые говорили, что по ночам там творились тёмные дела: раздавались странные звуки, окна озарялись синеватым призрачным светом, а иногда вспыхивало пламя. И теперь к мельнице без нужды не приближались. Там всё было оставлено как было при жизни мельника и медленно зарастало травой.

– Трусишка, трусишка!

Шейла говорила, что на древнем языке Питер значит «камень»⁷. И точно, если что-то взбрело в его лохматую голову – сопротивляться бесполезно. Разве что схитрить.

– А ты сам-то! Можешь?

– Я-то? Да я был там! Там на столе сидит воот такой чёрт! И я его тебе принесу! – Он в три шага перескочил мост и побежал к мельнице.

– Стоооой! – Но он не слушал. Даже не обернулся на бегу.

Элис, конечно, не верила в чёрта-на-столе. И то, что Шейла сама ходила к мельнику, доказывало, что там безопасно. По крайней мере, раньше. Ну что может случиться в старом доме, самое страшное – это провалиться в подвал, если пол прогнил. При мысли об этом Элис содрогнулась. Придётся

⁷ Точнее «кремень» с древнееврейского.

идти за ним. Она была старше его на несколько лет, и рядом с ним чувствовала себя взрослой. Значит, она должна быть ответственна за все его шалости.

Элис перешла мост и пошла по густой траве. Она поймала себя на том, что идёт медленно, словно надеясь, что Питер вернётся раньше, и не придётся *туда*. Но Питер не возвращался. Она подошла к окну и заглянула. Стекло было старым и кривым, покрыто пылью и паутиной. То туманное нечто, что чудилось ей там, могло оказаться чем угодно. Она решила не пугать себя, приложила усилие, чтобы оторвать взгляд от окна и открыла дверь.

Внутри было тихо. Только вода шумела и бормотала под полом. И скрип половиц под её ногами. В первой комнате было совсем пусто. Сквозь маленькое пыльное окно свет падал на половицы и ещё высвечивал старый стул с высокой спинкой. У стены темнел высокий прилавок, в узорах, проеденных жуками. Слева открывался большой проём во вторую комнату. Там было светлее. Элис медленно подошла и взглянула через проём. В потолок упиралось толстое бревно, на котором должен крутиться жёрнов, из стены выходила другая ось, которая снаружи прикреплялась к колесу. Они соединялись большой деревянной шестернёй под потолком. Но на месте жерновов стояла массивная железная крестовина, вся обмотанная медной проволокой.

Элис, прижимаясь к стене, обошла машину и проскочила в следующий дверной проём. Она оказалась посреди боль-

шой светлой комнаты, в которой стояли три стола. Больше всего это было похоже на картинку в книжке, надпись под которой Шейла прочитала ей как «лаборатория алхимика». Хотя Элис эти буквы были незнакомы. Несколько столов, заполненных бутылками, стеклянными трубками и медной проволокой. Полки с книгами, некоторые лежали на столах раскрытыми. И слой пыли. На одном столе, и правда, возвышалось что-то, похожее на страшную рогатую голову. Это был железный шар, из которого, словно бараньи рога, спиральями выходили трубки с шариками на концах.

И тут она увидела его. Питер лежал на полу, лицом вниз, раскинув чёрные обожжённые руки, словно хотел схватить чёрта за рога...

– Нет, Мартин, не трогай здесь ничего.

– Не бойся. – Он спокойно положил руку на шкатулку. Послышалось тихое шипение и потрескивание, Элис вздрогнула, но больше ничего не произошло, и Мартин был спокоен. В шипении ей почудились далёкие голоса. Теперь она уже не сомневалась, что разговаривали двое. Вдруг они приблизились, стали громкими.

– ...сам подумай, кто помнит человека, прошедшего мимо семнадцать лет назад.

– Не прошедшего, а живущего сейчас прямо у нас под носом. Походил бы по ярмаркам, показал бы фотографию, за семнадцать лет она вообще не должна была измениться.

– Я не дурак. Фотографией светить тупо. Я с неё рисунок сделал.

– Кстати, я думаю, это она убила Дремастера.

– Эрик, ты всегда был циником! Она бы никогда так не сделала! Если бы ты её знал – не сказал бы так никогда.

– А кто же ещё! Он её засветил, Крис! Тут любой бы так сделал.

– Тогда у нас есть ещё один ключ. Найти его логово и поискать вокруг. Если она и сбежала сразу после его смерти (не важно, кто его убил), она хотя бы следы оставила.

– А это мысль. Окей, я, пожалуй, так и сделаю. До связи.

Голоса смолкли, осталось только тихое шипение. Элис дрожала, но уже не от страха, а от возбуждения. *За семнадцать лет она не должна была измениться. Кто? Кто мог не измениться за семнадцать лет? Только Шейла, или кто-то, такой же, как она, кто так же не старился и помнил Старые Времена. И они её разыскивают...* Она убила какого-то дремастера. Нет, Шейла не могла убить. Она говорила, что только после прихода Смерти люди научились ценить жизнь. «Я люблю всё живое, но всё живое безобразно...»⁸ – часто напевала Шейла. Станные, непонятные слова.

Теперь, когда она повзрослела, картина жизни матери стала постепенно проявляться перед ней по-новому. В детстве она привыкла, что мир устроен так: каждое утро восходит

⁸ песня гр. «Агата Кристи» «Серое Небо»

Солнце и согревает всё вокруг, а мать – это нерушимое, абсолютное добро, которое было и будет всегда, которое приходит на помощь, когда уже ничто другое помочь невозможно. Но теперь, когда Шейлы не было рядом уже достаточно времени, чтобы осознать это, Элис видела, что она была человеком. Со своими проблемами и страхами. Многие казались теперь ясным, неожиданно находились причины и следствия вещей, которые маленькая Элис считала изначальноными и вечными просто по своей природе.

Шейла боялась людей. Если в деревне появлялся кто-то чужой – она стремилась незаметно уйти в лес. Кто-то преследовал её, когда она появилась в деревне. Она скрылась в этом далёком лесном уголке, залегла среди высокой травы, тёмных лесов и скал, готовая в любой момент сорваться с места и бежать.

Она была чужой, её приняли настороженно, и это отношение сохранилось навсегда, несмотря на все старания. Молодого сильного охотника (а таким был тогда отец) как раз и привлекла эта чужестранная горчинка, и он стал для неё стеной, отгородившей Шейлу от неприязни селян, стеной, за которой было уютно и тепло. Он не требовал от неё ничего, не задавал вопросов о её прошлом, просто наслаждался жизнью, каждым мгновением. Шейла завидовала этой его способности, она не могла так, и временами доставала свои книги и проводила вечера в прошлом. И, хотя книги и картинки были той территорией, которая была закрыта для него,

страной, которая разделяла их, он терпеливо ждал, когда она вернётся. И Шейла была благодарна ему за это.

Однако, годы шли и уносили молодость отца, а она оставалась всё такой же молодой. «Ведьма – шептались за её спиной, – И имя у неё странное».

Элис не была желанным ребёнком, это оказалось странно и больно осознавать, но выходило, что это так. Стремясь оградить себя и семью от неведомой опасности, Шейла не хотела детей. А отцу нужен был наследник, помощник в его нелёгком крестьянском труде и опора в старости. И ещё, он, может быть, не признаваясь себе в этом, надеялся, что она, родив пару-тройку детей, перестанет быть такой юной, превратится в дородную крестьянскую женщину. Но и здесь его надежды не оправдались. Вместо сына родилась дочь, и, хотя она помогала ему по хозяйству, и даже выполняла многие традиционно мужские работы, всё же не могла удовлетворить его гордость.

А после случая на мельнице селяне вовсе стали презирать и бояться и Шейлу, а заодно и маленькую Элис. Многие при их приближении незаметно делали жест, отгоняющий духов, сжимали крепче вилы, грабли или просто палку, что была у них в руке.

Элис не помнила, что именно открылось ей, когда она стояла и смотрела на мёртвую Шейлу, лежащую в грязи у большого камня.

– Они нас не слышат... Мне кажется мы просто подслушали их разговор. Ты думаешь это были солы? – Спросил Мартин.

– Или техи. У них тоже есть машины для передачи голосов. А солы – они как жестокие боги, вряд ли их интересуют дела обычных людей. Хотя, точно этого никто не знает.

– Значит, это машина солов?

– Не думаю. Это машина техов. Но она может слушать голоса солов. Не спрашивай, я сама не знаю почему в этом уверена.

– Ты думаешь, ваш шаман знает с техами?

– Наверное. И подслушивает голоса их врагов – солов.

– Солы и техи враги?

– Да. Солы изгнали их из рая, потому что техи сломали его.

Они ещё раз оглядели ущелье. Недавние следы водяного потока в этой части не наблюдались, значит ворота были где-то ближе к посёлку. Были, но исчезли. Они нашли это, довольно узкое место, где лужи и недавно вывороченные камни начинались внезапно. И ровную линию, выше которой было сухо. Это и были *ворота*. Но закрытые. Наверное, существовал способ их открыть, но они его не могли узнать. Элис ни за что не призналась бы себе в этом, но она чувствовала облегчение. Ведь открытые ворота означали бы только одно: дальше она пойдёт одна.

Они переглянулись, мысль была одна на двоих.
– В путь.

День ещё не начал клониться к вечеру, а они уже бодро шагали по берегу далеко за посёлком. И, хотя теперь они знали реальную причину по которой шамана надо было опасаться, это не помешало им проскользнуть из ущелья в заросли упырника прямо посреди яркого дня. Они положились на свои быстрые ноги, густоту зарослей и слепополуденную лень потенциальных преследователей. Кроме того, большинство жителей втайне посмеивались над шаманом и его глупыми запретами, так что, даже если бы их кто-нибудь заметил, вряд ли бы их стали преследовать. Другое дело, ночью, сразу после катастрофы, толпа, требующая мести, подстрекаемая шаманом, крики, мечущиеся факелы... Мартин отогнал воспоминания. Всё-таки как хорошо идти вот так, когда ничто не угрожает, есть ясная цель впереди, хороший попутчик и...

Когда ничто не угрожает... Открыто не угрожает. С тех пор, как они побывали в ущелье, Элис овладела тихая, медленно возрастающая, тревога. Мартин хорошо её чувствовал и, ему казалось, что она не может возрасти вечно, и вскоре прорвётся в реальность. Или в виде преследователей, или просто взорвёт Элис изнутри. Поэтому он сам заговорил об этом.

– Твоя мать была техом?

– Не знаю. Но мне иногда кажется, что она была солом...

Они шли рядом, обдумывая со всех сторон то небольшое, что знали. Но у Элис ещё были её воспоминания. Всё то, что ей успела передать Шейла.

– Тогда зачем солы её ищут? Может, она стащила у них что-нибудь важное?

– Не говори так о ней! – Элис вспыхнула и тут же погасла. – Не знаю... Может быть. Но если так – у неё были на это причины.

– Может, они ищут ампулу со смертью?

– Зачем? Кому нужна смерть?

– Ну... чтобы убивать. Или наоборот, уничтожить её, чтобы никто не умер.

– Ты что, думаешь, Шейла собиралась её выпустить?! Как ты мог подумать!

– Постой! Я не то хотел сказать... Понимаешь, мир изменился, и отношение к жизни и смерти теперь другое, чем триста лет назад. Было время, когда жизнь имела другую ценность, и люди убивали людей, и торговали жизнями друг друга. Разве ты не знала? Я подумал, если она жила в те времена, может быть, она, тогда, давно, сама не желая, ввязалась в эту страшную игру жизнями и теперь это прошлое пытается её догнать.

Элис остановилась и смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

– Откуда ты всё это знаешь?..

– Время в наших мирах течёт по-разному. И к нам иногда проникают куски вашего прошлого. А ещё, у нас тоже когда-то были такие времена.

Элис вздохнула и опустила голову.

– Мне иногда снятся чужие сны. *Её* сны. Там всё, как ты говоришь. Она убегает от кого-то.

– Элис, это всё было очень давно.

– Нет, я каждый раз просыпаюсь в ужасе, что они сейчас поймают меня. Я думала, это пройдёт, но сейчас это всё чаще...

Теперь она понимала, почему Шейла не захотела показать ей древние города. В них ещё жили люди. Они жили в разрушенных городах, среди искорёженного железа и развалин, воздушных лестниц и подземных ходов. Их было мало, и они дрались друг с другом за остатки того чудесного мира, который был на месте развалин три поколения назад. Они не изменились, они были единственными, кто увидел смерть, но не научился ценить жизнь. Точнее, научился, но только свою. И имя им было *теху*. Это про них говорил Мартин, не зная, но всё же понимая, что так бывает, что эти цивилизации насилия возвращаются вновь, когда возникают условия.

Мартин молчал, но его уверенность немного успокоила Элис.

– Да, я знаю, если она что-то и «стащила», то не у солов, а у техов... Вот это. – Она села и вытащила из мешка свёр-

ток. Он был довольно тяжёлым, Мартин осторожно развернул его. Там оказалась небольшая чёрная коробочка с красной светящейся точкой посередине.

– Что это?

– Не знаю. Шейла хранила её бережно, но никогда мне не говорила, что это.

– Может быть, она так же опасна, как ампула смерти?

– Думаю, Шейла сказала бы мне об этом. Мне кажется, что тогда, давно, эта штука была ценностью, но сейчас – бесполезна. Разве что солы, может быть, могли бы использовать её. Но я не хотела бы отдавать её солам. Не знаю почему.

– А я знаю. Потому что *Шейла* не хотела отдавать её солам.

Элис посмотрела на него странным долгим взглядом, и Мартин вдруг увидел, что слеза катится по её щеке. Он сел рядом и осторожно обнял её.

– Ну что ты, не плачь, посмотри, что у тебя впереди. Дорога, замок и целая жизнь. Может быть, принц на белом коне.

– Мартин... я не хочу всё время бежать, жить в страхе, как она. Давай избавимся от всего этого. Зароем вот под этим камнем ампулу со смертью и вот эту жуткую чёрную штуку. И пойдём отсюда, далеко-далеко, на другие острова. И пусть солы откопают её, и все умрут – нас уже здесь не будет.

Мартин тихо покачал головой.

– Прости. Я дура и эгоистка. Мы же должны сначала вернуть тебя домой.

– Не в этом дело. Не стоит выпускать *смерть*. Это непра-

вильно. И, кроме того, ты не сможешь зарыть *себя*. Дело-то не в склянке. Давай вот что сделаем. Дойдём до твоего барона, ты всё узнаешь про работу, пообещаешь ему вернуться, и мы с тобой сходим в Метоскул. Монах говорил, там много умных людей. Узнаем у них всё: и про эти вещи, и про ворота. А потом решим, что можно со всем этим сделать.

Элис подняла на него мокрые глаза и тихо сказала:
– Давай.

Элис смотрела на полупрозрачную поверхность воды и её клонило в сон. Течение было медленным, но оно настойчиво волокло их плот вперёд. Мартин нашёл на берегу бревно, и у него возникла эта идея. Полдня ушло на то, чтобы охотничьим ножом Элис разрубить его на три части, но зато теперь они могли скользить к своей цели, совершенно не прикладывая усилий. Река здесь была уже довольно широкой, и плот легко помещался даже поперёк реки. Так что, даже если он цеплялся за коряги и отмели и разворачивался, это не сильно их беспокоило – течение всё равно влекло их вперёд. Лишь иногда Мартин отталкивался от берега шестом, чтобы не попасть в камыши.

Элис подумала о мостах и запрудах. Плотина была далеко позади, у деревни, посёлок был значительно ниже по течению, и им не пришлось проплывать через мельницу. И всё равно, возникший образ взволновал её. Зелёный холм рядом с плотиной и старое колесо, лежащее на берегу. Пепелище

на холме уже давно заросло травой, только изредка в траве попадаются старые угли, кусочки оплавленного стекла и позеленевшая медная проволока. Сколько раз Элис со страхом и с глупой тупой надеждой приходила на это место. Но нет, Питера нельзя было вернуть, поток времени невозможно изменить. А потом она не стала больше ходить туда. Появился внутренний запрет. Книжка со страшными картинками уже прочитана, и больше не нужно её открывать. Не хочется.

Поток времени... поток реки. Ею овладело ощущение, что река влечёт её в будущее, всё дальше унося от места, где прошло её детство, медленно и плавно, но без возможности вернуться.

– Мартин, расскажи мне о своём королевстве. Как вы живёте там? – Спросила она, чтобы сбросить грузные мысли.

– Ну, королевством правил король Шеннон. Формально, под его власть попадают все земли на запад и на север до моря, включая Норфист и город Девяти Островов. Но ещё при его отце королевство пришло в запустение и фактически эти города стали независимыми. Не так давно старый король умер, и на трон взошла его дочь, принцесса Шейла. Она начала правление достаточно активно, создала Совет Мастеров, учредила Министерство Науки, заинтересовала соседей в активном обмене товарами и технологиями...

Успокоенная мягким движением по воде и голосом Мартина, Элис уже спала, положив руку под голову. Во сне её

мать, Шейла, была принцессой и шла по галерее в старинном платье и золотой короне. С одной стороны окна выходили на далёкие горы, с другой стороны зеркала в полный рост точно повторяли оконные проёмы, и Шейла шла по ковровой дорожке словно по центру воздушного моста высоко над землёй. Что-то было у неё в руках, и она несла это в Совет Мастеров.

Вдали, в самом конце моста виднелись широкие ворота, за которыми, в верхнем зале восточной башни её ждали Мастера, сидящие за круглым столом: Строитель, Охотник, Мореход, Рудокоп, Лекарь, Кузнец, Садовник, Повар и Артист. Они сидели на резных тронах с высокими спинками, и только один трон оставался незанятым. На спинке была вырезана надпись «Правитель». Все ждали последнего Мастера – правящую принцессу Шейлу. Такого же Мастера, как и они сами. Сейчас она войдёт, займёт своё место и положит на стол то, что она принесла: чёрную коробочку с красной светящейся точкой посередине.

Открылись ворота, и она шагнула в темноту, совершенно чёрную после заполненной солнечным светом галереи. Наконец, она различила тусклый свет из окна откуда-то сзади. Свет падал на бревенчатую стену и стул с высокой спинкой. И высокий прилавок. Элис узнала это место. Это была *мельница*. За прилавком что-то зашевелилось, и на свет вышла фигура мельника, такая же серая, как стены и стул, и всё здесь.

– Привет, Шейла. Что нового? – Голос у него был молодой и несколько резкий. Она подошла к прилавку и положила на него чёрную коробочку. Красная точка ярко светилась и окрашивала его бородатое лицо жутковатым отсветом.

– Привет, Оскар. Ты говорил, тебе не хватает мощности. – Она положила коробочку на прилавок. – Этот *источник* даёт три мегаватта. Будь осторожен, не вскипяти случайно речку. – В голосе Шейлы сквозила ирония. Мельник явно был удивлён, он не ожидал, что у неё может оказаться *такое*.

– Я тебе помогла, не забудь и ты своё обещание. И ещё, запомни: меня ты не знаешь, имя Шейла никогда не слышал. А источник тебе достался от деда.

Мельник кивнул. В его глазах отражалась красная точка.

– Помни об этом, *Дремастер*.

Мельник вздрогнул.

– Кто ты? – Спросил он прямо.

Элис вскочила и оглянулась. Мартин сидел впереди, свесив ноги в воду и смотрел на закатное солнце. Берега, покрытые густым лесом, медленно проплывали мимо. Но что-то было не так. Элис схватилась за свой мешок. Он лежал между брёвнами, где просачивалась вода, и чуть намок. «Книжка размокнет,» – подумала Элис и принялась выкладывать вещи. Рука наткнулась на что-то тёплое. Даже горячее. Она достала подмокший свёрток. От него шёл пар. Она быстро развернула его. Источник был в порядке, даже красная точ-

ка горела как обычно. Но мокрая тряпка дымилась. Элис то-ропливо окунула её в реку.

Мартин обернулся.

– Выспалась? Похоже, рассказы про королей действуют на тебя... Что случилось? – Он наконец заметил её растерянный вид.

– Мне приснилось... Это называется «источник». И в нём достаточно силы, чтобы вскипятить реку. Что мы сейчас случайно чуть не сделали. Давай пристанем и наберём прутьев на подстилку, чтобы не проваливаться между брёвнами. И сухо будет, и сидеть удобнее.

Мартин взялся за шест. Солнце почти село, холодный туман, стелился над водой, медленно шевеля рукавами, заполняющими в лес. Элис спрыгнула на берег. Лес здесь расступался круглой поляной. Было уже почти темно, но туман собирал остатки отраженных солнечных лучей с реки и светился. Вскоре Мартин приволок несколько сухих коряг и поляна озарилась тёплым светом костра. Элис нарезала с прибрежных кустов охапку прутьев и села у огня. Мартин сидел рядом и смотрел, как она ловко переплетает прутья сухой травой.

– Расскажи мне ещё. Только теперь не надо про королей. – Попросила она. – Расскажи про родителей, про сестёр.

– Ты про Пони и Рыжика? Не, они не сёстры мне. Что-то вроде троюродных тётъ. Но я не уверен. Всегда плохо разобрался в родственниках, и геральдика мне давалась с трудом.

Но они ненамного старше меня, так что они мне почти как сёстры. Пони очень любит машины Индре, и по целым дням торчит у него в мастерской, ну, или в библиотеке. Иногда, правда, её вызывают в Дарквуд, или в Синие Холмы, но это бывает редко, так что она всё время дома, если вдруг захочется прийти к ней в гости.

Элис раскатала свежесплетённую циновку, положила под голову дорожный мешок и стала смотреть на огонь. А Мартин продолжал:

– А я больше люблю путешествовать. Рыжик всегда берёт меня, когда летит в Норфист, или на восток. Ну, иногда она отвозит меня к родителям, но я живу и обучаюсь в Столице. Рыжик другая, она тоже любит странствовать, как я. Это её дракон. Хотя, про дракона вообще нельзя сказать, что он чей-то. Это не лошадь, которую можно запереть в конюшне. Он летит куда хочет, и вообще-то живёт в северных горах, но прилетает, когда ей надо. Она когда-то спасла ему жизнь, и теперь он служит ей. Хотя, «служит» – неправильное слово. Драконы слишком свободны, чтобы служить, он просто благодарен ей и возит, куда она захочет.

– Не знала, что драконы такие умные. Они умеют говорить?

– Да, умные. Но не такие, как люди. Они совсем другие. Говорить с ними сложно, у них слишком другая система понятий. Но такие вещи, как благодарность, долг, помощь, дружба они понимают хорошо. Иногда Рыжик отпускает ме-

ня с ним одного. Это был как раз такой день... Мы летели на запад, и поднялись так высоко, что я увидел не только остров Генри, но и ещё другие острова далеко на востоке. В высоте было холодно, но я совсем не чувствовал этого, мне хотелось долететь до них, сверху это казалось ближе. Острова были изрезаны бухтами, мне захотелось зарисовать их. Бумага и перо всегда со мной. Но сделать это на спине дракона невозможно. На высоте так мёрзли руки...

Мартин увлёкся рассказом, костёр почти погас, и ночной холод подползал из леса.

Элис стояла посреди комнаты. Она совсем замёрзла, и пальцы не сгибались. Чьи-то руки сняли с неё платок и подтолкнули к камину.

– Иди погрейся, а я чаю сделаю. С вареньем, ты ведь любишь варенье?

Это был тот же самый голос, который принадлежал чёрному человеку, обладателю колючего шарфа, который нашел её посреди снежного пространства. Она повернулась к окну. На столе громко, с хрустом тикали часы. Стекло до непрозрачности заполнено морозными узорами. С той стороны всё состоит из разных оттенков белого. И ещё видна только чёрная прямая колея, уходящая в лес.

Зашумел чайник, и начали оттаивать запахи. Старых книг, маковых булочек, варенья, и всё это на фоне одного, постоянного запаха, который был здесь всегда, она уже при-

выкла к нему, не обращала на него внимания. Это был запах этого места, если бы ей было нужно найти этот дом, этот посёлок – она нашла бы его. Если бы только не снег и холод, и воздух не замёрз, сделав мир белым и стерильным, она узнала бы его, запах дерева и дёгтя.

Чёрный человек усадил её на высокий стул. На столе стояли две чайные чашки с побитым золотым ободком, банка варенья и старая фарфоровая солонка в виде поросёнка, у которого из носика сыпалась соль. А рядом с часами стояла каменная фигурка лошади, только голова и грива, на круглой подставке. Казалось, лошадь смотрит на поросёнка, пренебрежительно подняв голову. А поросёнок не обращает на это внимания, просто радуется жизни и рассыпает соль из своего носа, чтобы всем было вкуснее.

Человек поставил на стол блюдо с маковыми кренделями. Она не видела его лица, как будто просто не смотрела на него, или боялась смотреть. Но руки у него были добрыми.

Далёкий голос снаружи объявил: «По первому пассажирский, по первому пассажирский», и за окном загрохотала чёрно-белая череда вагонов. Когда последний скрылся за заснеженным лесом, и стих далёкий стук колёс, она заметила, что чёрный человек исчез. А потом из другой комнаты слышался его приглушённый голос. Он разговаривал с кем-то, кого здесь не было. «Да. Шейла. Говорит, Шейла Кнотт... Нет. Не знаю... Как никого нет?..»

Потом он вернулся, но маленькая Шейла уже спала, прямо

за столом, прижав щеку к кружевной скатерти.

Они снова плыли по реке. Теперь она сидела впереди, а Мартин пытался поймать рыбу, бросая с кормы самодельную снасть. Запасы подходили к концу, и свежая еда была бы очень кстати. Вскоре ему удалось найти удачный способ насаживания личинки на шип дикой розы, и на брёвнах забилось несколько полосатых окуней.

Они сплавлялись примерно со скоростью идущего человека, но река петляла, что удлиняло путь. С другой стороны, они не останавливались, как обычно останавливаются путники, и не замедляли шаг от усталости. По расчётам получалось, что они должны скоро достигнуть ярмарочного поля. В праздники оно становилось шумным и пёстрым. Торговцы ставили шатры, укрывавшие от солнца и дождя, стараясь пестротой не отстать от соседей. А в шатрах было столько всего! Самый чудесный был шатёр булочника, в нём продавались кренделя и сладкие петушки на палочках. Отец всегда брал ей одного петушка, и всегда спрашивал маленькую Элис, какого цвета. А она неизменно выбирала жёлтого, как солнце.

Шейла никогда не ездила с ними на ярмарку.

Мысли Элис от ярмарки перешли к матери. Элис не сразу поняла, что Шейлу убили селяне. Этому никто ей не говорил, даже отец, обходя молчанием не только эту тему, а вообще саму Элис. Она ещё какое-то время ходила за скотиной, по-

нимая, что стареющий отец нуждается в её помощи, но потом, видя, что он избегает её, тоже стала его избегать. Сначала их общение состояло только из бытовых фраз, необходимых для ведения хозяйства. Но потом они стали обходиться и без них. Элис всё больше проводила времени вне дома, гуляя по окрестному лесу, собирая грибы и коренья, стараясь не попадаться на глаза селянам. Это было несложно, поскольку в это время года обычно мало кто покидал деревню. Было некуда ходить, кроме сенокоса и ярмарки, только дети иногда собирали землянику и древесных жуков, но Элис ходила дальше.

С тех пор, как Шейла умерла, Элис не была на ярмарке. Возможно, если бы она попросилась, отец бы и взял её. Но мысль о длительной дороге вместе не радовала её.

Однажды отец вернулся с ярмарки пьяным. Править лошадей отец не мог, вожжи тащились по земле, а сам он валялся в телеге. Лошадь сама привезла его домой. Элис распрягла лошадь и увела в сарай, а отца так и оставила лежать в телеге до утра: летняя ночь была тёплой.

После этого случая Элис стало совсем ненавистно находиться рядом с ним, и она больше не появлялась в доме.

Ярмарка давно скрылась за поворотом реки. Больше поле с остатками торчащих в небо шестов – всё, что осталось от ярких шатров. И никого. За холмом лежала совсем маленькая деревня. Когда-то давно она даже имела своё назва-

ние – Прилучье, потому что река делала в этом месте большую петлю, излучину. Но теперь все говорили «Ярмарка». Родник в лесном овраге, аккуратная дорожка, выложенная камнями и два дома с соломенными крышами. И в стороне дом побольше – трактир и гостиница. Раз в месяц поле оживало, наполнялось телегами, из трактира доносился смех и ругань, слышные у самой реки. Но сейчас было совсем тихо. Зимой ярмарки обычно не проводились, селяне сидели по домам, проводили короткие зимние дни за починкой плугов и телег, а по вечерам собирались у огня за ужином... Как далеко это сейчас.

Она знала – теперь до самого замка на три дня пути вдоль реки нет никаких человеческих поселений. Огромная земля, покрытая лесом. И где-то к западу – заросшая дорога. Похожее на восторг ощущение как будто подняло её над лесом, она увидела реку, петлями проходившую под нависающими ветками, уютные поляны, выходящие к реке и чуть пугающую темноту ельников. Это всё было её, она могла идти куда захочется. А сейчас, река бережно, как ребёнка несла её навстречу огромному и удивительному миру. В лесу скрывались тайны и опасности, но Элис думала, что это такие опасности, о которых будет потом приятно вспоминать, сидя вечером у огня. Ну, в самом деле, что могло им угрожать, ведь здесь нет людей. А лесные страхи ничего не значат, если она не одна. Ведь с ней Мартин, который уж теперь-то сможет отогнать лесного гурафа. Элис улыбнулась. Тревога ушла, и,

казалось, больше не вернётся.

Элис лежала на плоту и смотрела на облака. Они были разными и двигались в разных направлениях. Вот эти, синеватые и вытянутые, словно размазанные, тянулись по западному краю, постоянно меняя форму, превращаясь в морских чудовищ, словно желая дотянуться до высокого ещё солнца. К вечеру солнце опустится, и они достанут его, оплетут щупальцами и погасят, окрасившись красным. Но это будет ещё нескоро, и сейчас они беснуются зря. С востока, наползает гряда других облаков. Они медленно приближаются строем, тёмные снизу, ослепительно белые на вершинах, похожие на замки, стоящие на холмах. От таких можно ждать дождя, если их соберётся достаточно много – они сольются в сплошной тёмный фронт и разразятся грозой. Но они не успеют на помощь солнцу, они плывут слишком медленно, и солнце будет схвачено синими чудовищами с огненными щупальцами. А безумно высоко над всем этим летят едва заметной сетью совсем тонкие. Они ребристые, как прибрежный песок, и иногда скатываются в прозрачные жгуты. Они так высоко, что их движения не видно. Но нет, вся эта сеть медленно плывёт поперёк всему: и белым замкам, и чудовищам, с юга на север, если найти ориентир и смотреть очень долго, то можно это заметить.

Белая птица пролетела над замком и скрылась за башней. Элис успела разглядеть её ровные крылья и вертикально поднятый хвост. Что-то насторожило её, даже испугало. Вот она

появилась снова, пронзив облако насквозь, и быстро пошла на снижение. Это была не птица.

– Мартин! В небе солы. Рули под берег. – Быстро и тихо сказала она.

Он схватил шест и, оглядываясь, упёрся в дно. Плот скользнул в тень нависающих деревьев. Белая стрелка сделала петлю в небе и, опустившись ниже над скалами, заскользила на север.

– Как думаешь, они нас видели?

– Элис, – он сказал это мягко, как разговаривают с маленькими детьми, – мы просто плывём по реке. Какой-то плот ничего не значит ни для кого. Кто знает, что в мешке у тебя *смерть*, а твою мать ищут солы? Мы не скажем никому.

Элис побледнела:

– Ты *сам только что* сказал это!

– Тут никого нет.

– Если солы могут разговаривать на расстоянии, ты думаешь, *слышать* на расстоянии они не могут?

– Нууу... наверное, да... но для этого у нас должна быть их машина. – Нашёлся Мартин.

– Не обязательно. И, кроме того, вдруг она тут есть?

– Где?

– Да где угодно! Притаилась в траве, приползла жуком, прилетела мухой.

Мартин помолчал, уставившись в воду.

– Хорошо. Уговорила. Больше не скажу. И ты тоже. Осо-

бенно в замке. И, тем более, в Метоскуле.

Снаружи послышался шум. Он сливался с журчанием воды о плотину, о старое колесо, но Шейла знала, что это означает. Сюда идут. Их много, наверное, почти все здоровые жители деревни. Она рассчитывала, что так может быть.

Её тянуло сюда. Она не могла прийти сюда со всеми, когда они пришли за мельником. Оскаром. За тем, что от него осталось. Она этого не видела, но хорошо себе представляла. Он лежал вот здесь, около стола, наверное, на том самом месте, где нашли потом малыша Питера. Элис рассказывала, что у мельника были обожжены руки, когда его принесли в деревню. Она боялась прийти на похороны, хотя её вины не было. Нет, была. Это она дала ему *источник*. Но ведь Оскар – не маленький. Как он, в прошлом серьёзный экспериментатор... Нет, учёным его нельзя было назвать. Теперь и нет такого понятия. Уже давно это слово стало неприменимым, ненужным. Сейчас достаточно сказать «тех», и всё становится на места. Среди солов ещё кого-то можно назвать учёным в старом смысле слова. Среди техов серьёзных исследователей не было никогда. Зато практиками они были почти все. Удачные слова появляются сами. Об этом даже не нужно задумываться, когда произносишь слово «тех» – сразу встаёт образ наивного мастера-механика с гаечным ключом за поясом. Тех по прозвищу Дремастер.

Надо было сразу забрать отсюда источник, но она боялась,

откладывала. Прошёл год, и вот, вторая смерть. И теперь в этом уже точно была её вина. Ни один из приборов без помощи источника не мог за год сохранить заряд, способный убить человека. Даже ребёнка. Питера...

Сейчас Шейле больше всего хотелось остаться здесь. Прикоснуться к этим проклятым контактам, взять чёрта за рога и пусть в яркой вспышке исчезнет её сознание, а там уже не важно, что будет. Пусть тело бросят в яму рядом с Оскаром и Питером, пусть бросят её книги в огонь, и ампулу тоже. Пусть они все тоже умрут...

Нельзя. Ампулу нельзя. Теперь нас осталось мало... И Элис, она должна жить.

Звуки приближались. Шаги в траве и голоса.

Они хоронили Питера позавчера. В толпе раздавались проклятия в адрес мельника, и почему-то в адрес Шейлы, словно они догадывались о её причастности. Кто-то предложил спалить эту проклятую мельницу. Она слышала это, спрятавшись за изгородью. Довольно умная мысль для рустов. Но тогда, отягощённые алкоголем тела не поднялись сделать это.

Шейла выждала ночь и сделала то, что надо было сделать ещё год назад. Разобрать силовые установки – дело недолгое, но теперь у неё и на это не было времени.

Интересно, они специально выследили, что она пришла сюда, или они просто решили привести вчерашний замысел в исполнение? Шейла поймала себя на мысли, что всегда ду-

мала о людях хуже, чем они на самом деле были. Особенности, выработанная годами жизни в городе. Не только в нынешних развалинах, но и в городе вообще. Ещё тогда, в Старые Времена.

Голоса окружили мельницу со всех сторон. Кто-то заглянул в окно.

– О! И наша ведьма тут!

– Запалим её вместе с мельницей!

Звякнул внешний засов. В отдалении послышались крики. Шейла схватила со стола фокусирующую катушку, отвинтила от штатива ионизатор. Руки действовали быстро, мысли отключились от воспоминаний. Через щели уже потянуло дымом. Она обмотала проводами то, что у неё получилось, и прислонила оголённые концы к источнику. Теперь нужен огонь. В углу у окна из-под пола показался язык пламени, отлично. Шейла пригнулась, закрываясь от жара, протягивая к огню скрученную страницу книги, словно приманивая зверя. И огонь прыгнул, мгновенно воспламенив бумагу. Она просунула горящую бумагу в установку, и синеватый язык плазмы бесшумно высунулся из обмотанного проводом кольца. Она подняла этот дьявольский меч и очертила на полу огненный круг. Потом ударила ногой, и круг провалился вниз, плюхнулся в воду, подняв брызги. В этом углу мельница нависала над водой, в дыру была видна зелёная вода, пронизанная солнечным светом.

Пламя вырвалось из-под стены, обдало спину жаром

и принялось пожирать столы. Лопнула и зашипела колба. Шейла оторвала провода, завернула источник в кожу и прыгнула в зелёный омут. Погружаясь в бурлящую воду, она слышала далеко-далеко крики и грохот упавшей стены.

Они двигались всё дальше от обжитых мест, и Элис понемногу успокаивалась. По берегу росли густые кусты, чуть дальше поднимались лесистые холмы с огромными соснами. И никаких признаков людей. Мартина это немного пугало, а её, казалось, наоборот, радовало. Она привыкла к лесу, он был ей домом больше, чем деревня. Вероятно, она впитала ощущения матери, от людей всегда веяло враждебностью. И только в лесу она чувствовала безопасность и свободу. И на ярмарках, даже если рядом был отец, ей было неуютно. Пожалуй, единственное, что могло заставить её забыть страх – это музыка. Отец мог даже оставить её одну около бродячих артистов, и, когда он, обойдя всю ярмарку, и даже не забыв кабак, возвращался – она сидела там же, в той же позе, слушая звуки флейты и равномерный гул барабана.

– А у вас есть поэты и музыканты?

– Конечно, есть! Какой же праздник без них.

– У нас тоже. На ярмарке играют. Я музыку очень люблю, а вот поэтов не понимаю...

– Поэты разные бывают. Слушаешь, читаешь – и ничего не нравится, а потом вдруг услышишь что-нибудь – а он как будто мысли твои прочитал, и ещё сказал это так, как ты сам

никогда в жизни сказать не сможешь.

– У матери много книг было, я читала и что-то всё ерунда какая-то. Про птиц, про сердце и про звёзды. Что хорошего в птицах? Они же глупые – только едят и гадят. Может, они завидуют крыльям? Полетать я бы, пожалуй, не отказалась, но только не сама, а на ком-нибудь, вот, на драконе, например. Это же не так легко, как кажется. Посмотри с каким трудом они взлетают, как тяжело им махать крыльями, отрывать себя от земли! А если делать это каждый день, то никакой поэзии не останется.

Или, вот, про сердце, например. Зачем воспевать этот глупый мясной мешок, который только и делает, что качает кровь. Есть куча органов куда более красивых и чудесных. Глаз, например. Он прозрачный, красивый и умеет видеть. Ну да, конечно, это заслуживает восхищения что сердце работает без остановки всю жизнь. Но к чувствам оно не имеет никакого отношения, что бы ни говорили поэты. Оно начинает сильнее биться разве что от волнения или страха, чтобы бежалось быстрее.

– Просто ты не романтична.

– Роман-тична... Что это значит?

– Романтики любят прекрасное. И читают *романы* – книжки про любовь. Отсюда и название.

– Я люблю прекрасное! Лес, например. Почему они не пишут про лес?

– Пишут. Говорю же, поэты разные бывают. Просто хоро-

ших поэтов мало. А про сердце – ты права, любой дурак написать может и считать себя поэтом.

Мартин внимательно водил пером по бумаге. Это была настоящая бумага, конечно, не такая белая, как в старых книгах, но почти такая же гладкая. Элис подползла ближе. На бумаге виднелись неровные контуры, пересечённые более толстой петляющей линией и мелкие обозначения рядом с ней.

– Что это?

– Карта. Вот это – река. У неё есть имя?

– Рана.

Мартин макнул перо в бутылочку и аккуратно нацарапал рядом с толстой линией «р. Рана».

Элис с детства привыкла к названию и не задумывалась. А теперь, оно показалось ей странным. Может быть, река называлась так, потому что в верхнем течении прорезала землю оврагами? А может, за красноватый цвет скал... А может, просто по созвучию с чем-нибудь другим.

– А твоя деревня имеет название?

– Вообще-то да, Верховесье. Но у нас никто не говорит так. Потому что деревня всего одна. И посёлок тоже один.

И ещё есть ярмарка. А вот, например, на Северном Склоне или в Загорье, когда говорят про нас, называют. И мы тоже, когда говорим про них.

– Как думаешь, сколько ещё до замка? – Спросил Мартин.

– Завтра.

Она, не поднимаясь с циновки, опустила руку в воду и протёрла лоб. Вокруг по-прежнему был глухой лес. Горы вдаль стали меньше, отступили на восток. Местность стала ровнее, уже не было видно больших лесистых холмов. Всё чаще тянулись заболоченные участки с низкими скрюченными деревьями. Иногда в лесу что-то хлюпало и урчало. Вода тихо журчала о коряги. Мартин лежал ногами вперёд, головой к её голове и тоже прислушивался к звукам леса, глядя на закатные облака.

– Давай не будем сегодня останавливаться. Ты не свалишься ночью с плота?

– Если свалюсь – ты проснёшься от моего крика и вытащишь меня, – засмеялась Элис. – Я больше боюсь замёрзнуть.

– Ночь будет тёплая. Возьми мой плед. Он, не поднимаясь, протянул руку вверх. – Три бревна – слишком узко, чтобы поместиться рядом.

– Да уж. Тогда мы точно свалимся в воду, но уже вдвоём, и никто нас не спасёт. – Она снова засмеялась, и в этот раз Мартин присоединился.

– Однажды, в ясный день Элис сидела на берегу и читала книгу.

– Это сказка про меня?

– Может быть, – улыбнулась Шейла. – Или про другую девочку, которую тоже звали Элис. Это как ты захочешь.

– Если сказка страшная, тогда это про другую девочку.

– Не, не страшная. Ну разве что совсем немножко.

– Тогда про меня. Ну давай, что там было дальше?

– Книга была скучной, совсем без картинок и разговоров, и её клонило в сон. И вдруг она увидела белого кролика. Кролик был в шляпе и старинном костюме. Он вытащил из кармана часы на цепочке и воскликнул: «Ох, мои лапки! Ох, мои бакенбарды! Как я опаздываю, герцогиня будет в ярости!» И бросился в траву. Элис очень удивилась, откуда у кролика шляпа и часы, и побежала за ним.

Кролик бежал очень быстро, и Элис едва поспевала за ним. Вот он нырнул в нору, и она, не задумываясь, побежала туда же. То, что она смогла пролезть в кроличью нору несколько не удивило её, ведь после того, как увидишь кролика в шляпе, уже ничто не кажется странным.

В норе было сумрачно, корявые корни свисали с потолка. Ей показалось, что где-то далеко, в глубине норы, ударил колокол. И от этого звука всё вокруг всполошилось: взметнулись в воздух опавшие листья, корни зашевелились, и туман начал подниматься из углов. Элис шла, насторожённо прислушиваясь. Листья заглушали её шаги, а стелющийся туман скрывал тропинку, и она не видела, куда идёт.

Вдруг, шагнув, она не ощутила под собой опоры, потеряла равновесие и полетела в бездонный колодец. Сначала она испугалась, в любой момент ожидая болезненного падения, но, то ли колодец был, действительно, очень глубокий, то ли

падала она очень медленно... Иногда из тумана показывались стенки колодца, увитые корнями, на каменных уступах стояли различные вещи: знакомые и незнакомые.

Вот старинный дядин буфет с дверцами из множества стёкол, за которыми стоял фарфоровый поросёнок и каменная фигурка лошади.

Простой сундук с железными застёжками, на нём лежит стопка книг. А поверх них, на вершине стопки – плоская шкатулка... В ней лежит *ампула смерти*. Элис протянула руку, но сундук уже уплыл вверх, она успела только коснуться старого дерева.

Прямо в стене – дверной проём, позолоченный солнцем. В нём висит пыльная кружевная занавеска, сквозь которую солнечные лучи проникают сюда и пронизывают туман колодца. Это была дверь в её доме. Такой большой и реальной она была только тогда, когда Элис была совсем маленькой. Порыв ветра принёс запах прогретых лугов и сенокоса. Позади занавески, посреди солнечного пространства стояла Шейла. Через кружева было непонятно, но, казалось, она улыбается и манит её. Это был выход. Элис потянулась, но от её движения всё опрокинулось, уехало в сторону, завертелось, и шелест сухих листьев окутал весь мир вокруг.

Элис свалилась в кучу опавших листьев. Очень хорошо, что кто-то положил её здесь, а то она бы разбилась, ну или по крайней мере, оцарапала себе колени. Где-то капала вода. Теперь туман окутывал всё вокруг. Это было немного по-

хоже на пространство падающего снега, но не было холодным, а напротив – тёплым и влажным. Он имел структуру, волокна, более плотные нити, и он двигался. Идти в нём было трудно, разрывая волокна и увязая в них, как в вате. Иногда казалось, что если остановиться, он уволочёт куда-то своим медленным движением. И потом случится что-то отвратительно липкое и душное.

Элис поняла, что проснулась, но сквозь туманную тишину колокол ударил ещё раз. Это был всего лишь второй удар. Значит всё это приснилось ей лишь между двумя ударами колокола. Она знала, что во сне время идёт с другой скоростью. Она открыла глаза. Прямо над ней из тумана выступили ровные каменные зубцы. Мост. Он надвигался медленно, словно сон продолжался, закрывая собою туманный свет. Стало почти темно. Мартин пошевелился. Значит, он тоже проснулся.

– Мартин! Прибыли.

Он поднял голову, глядя, как разрастается впереди пятно туманного света. Вот оно заполнило всё вокруг. Серые тени стояли вокруг, и они плыли сквозь их молчаливый строй.

– Похоже на посёлок, – сказал Мартин, вглядываясь в очертания, искажённые туманом. Его голос утонул, как в вате.

«Даже и хорошо, что такой туман. Нас никто не увидит,» – подумала Элис.

Постепенно светлело, и в туманных очертаниях начали

угадываться прибрежные деревья, дома... Они миновали поселение и спрятали плот в густых ивовых кустах, подальше от домов. Продравшись через кусты, стараясь оставить как можно меньше следов, они оказались на лугу у подножия невысокого холма. Солнце уже взошло, и остатки тумана стремились уползти в низины, оставляя за собой сверкающие следы росы. Позади холма снова высились скалы, но не такие высокие, как на севере.

С вершины холма они увидели всё сразу: и зеркальные петли реки, и поселение, которое следовало её изгибам, устраивая свои улицы согласно их законам, и широкую площадь. И замок.

Он оказался совсем не похож на картинку в книжке. Замок стоял на широком холме, раза в два выше того, на который поднялись они. Низкие стены и приземистые квадратные башни, за которыми виднелись крыши внутренних построек. Сзади он примыкал к почти отвесной скале, которая возвышалась над замком, и претендовала быть его частью, но даже цвет камня был разным. На вершине скалы стояла ещё одна башня, круглая и тонкая, с остrokонечной крышей и опоясывающей наблюдательной площадкой. На скале никакой тропинки видно не было, да и подняться по такой круче было бы невозможно. Очевидно, из башни в замок опускали на верёвке подъёмную клеть или же существовал ход внутри скалы. Над башней развевался тёмно-синий флаг. «Не взялся бы я штурмовать такой замок,» – подумал

Мартин. По тем канонам военной науки, которые он успел изучить, такое расположение башен не было классическим. Да и стены, пожалуй, были низковаты – не устояли бы против правильного количества осадных лестниц, однако с верхней башни все укрепления простреливались бы отлично, кроме небольшой мёртвой зоны под стенами, которая легко пробивалась с башен. Мартин вспомнил, что ничего не знает ни о защитниках, ни о предполагаемых нападающих, вспомнил очертания белой стрелы в небе, и оставил все попытки понять устройство замка и план обороны.

Змеясь, дорога спускалась от ворот к площади, и оттуда расходилась короткими улицами во все стороны. Улицы упирались в реку и заканчивались мостками и причалами, у которых во множестве были привязаны лодки.

Посёлок ещё спал. Лишь в некоторых дворах сонно лаяли собаки, и где-то громыхало железное ведро. Улица, по которой они шли, была мощёной плоскими камнями. Дома ближе к площади становились выше, обрастали башенками и остроконечными крышами. Мартин, пожалуй, назвал бы это небольшим городом, но Элис знала, какими были раньше настоящие города.

Фасады, выходящие на площадь, выглядели приветливо, над ними виднелись вывески в виде кренделей, висящих на палках, сапог, больших деревянных кружек и флагов. Они миновали приземистую круглую башню и стали подниматься к воротам.

Снова ударил колокол. Его звук разнёсся над городом, отразился от каменных домов... Эхо не успело затихнуть за рекой, как его догнал второй удар. И третий. Город постепенно оживал. Где-то хлопали окна, скрипели ворота, звенели цепи.

Извилистая дорога привела их под стены. Снизу они казались выше, чем Мартин подумал сначала. Ворота, целиком обитые железом, красовались рядами заклёпок и грубой чеканкой – еловые ветки, переплетённые лентой. По центру створки был изображён глаз, а в нём блестел стеклянный шарик. Мартин поднял руку, чтобы потрогать, но Элис одёрнула его:

– А вдруг он нас видит.

– Кто?

– Барон. Ну, или стражник. Не зря же он глаз на дверь повесил.

Загремел засов, и дверь открылась. В проёме стоял пузатый человек в смешном круглом шлеме с поднятым прозрачным забралом.

– Девка дело говорит, не только видит, но и слышит. Что надо вам?

– На работу хотим. – Смело ответила Элис.

– Работников барон в полдень принимает. Скоро сезон, много вас таких будет.

Стражник казался весёлым, словно всё происходящее его забавляло. Он ещё раз, ухмыляясь, оглядел их и снова за-

крыл дверь.

До полудня было не так далеко, но ждать на пыльных камнях не хотелось. Они спустились в город, прошли по одной из улиц к реке и устроились на причале, опустив ноги в прохладную воду. Элис достала последние полоски сушёного мяса и совсем сухую, раскрошившуюся лепёшку.

– У меня есть несколько монет. Но это на крайний случай. В замок я пойду одна, вряд ли тебя пустят, разве что ты тоже решишь поработать. Я, конечно, думаю, что ничего со мной не случится, но цена слишком высока. Если одной Элис на земле станет меньше – никто этого не заметит, но если кто-то выпустит смерть... – Она протянула ему плоскую шкатулку. – Храни это пока у себя...

– Не говори так. Если одной Элис станет меньше – по крайней мере один человек очень расстроится...

– И кто же это? – Прикинулась дурочкой Элис.

– Я. И буду мстить за тебя. Пока всё в этом замке не будут мертвы. – Серьёзно сказал Мартин.

– Глупый ты. – Улыбнулась она. – Гурафа – и то, не мог победить... Ладно, ничего со мной не случится.

У ворот стояли два рослых человека. Один – в короткой кожаной куртке и с мешком, в котором что-то позвякивало, когда он его задевал. Второй – в соломенной шляпе, явно крестьянин. Они лениво о чём-то разговаривали.

– ...а в том году на жатве у Филина был, тудыть его конём.

Дык он только двадцать монет и дал за весь сезон. А обещал двадцать пять! Никогда больше к нему ни ногой! Вот, может наш чудак чего получше предложит. Никогда не знаешь, что ему понадобится в этот раз.

– Вроде как, он мастеровых больше любит. Потому я теперь по этому делу. – Он слегка пнул свой мешок. Снова звякнуло железо. – У нашего кузнеца выучился. Слышал про Тихона-мастера из Загорья? Барон ему по сотне платит!

– Тудыть его конём! – Удивился крестьянин.

Колокол пробил четыре раза, и с четвёртым ударом дверь в правой створке ворот открылась. Стражник поманил рукой. Человек в куртке подхватил мешок, крестьянин снял шляпу. Элис кивнула Мартину, торопливо сжала его плечо.

– На закате приходи сюда. Если не приду – хотя бы через стражника передам.

Стражник провёл их через тёмную арку, и они оказались в одном из тесных внутренних дворов. В дальнем конце виднелись ещё два выхода, свет сверху едва достигал зарешеченного окна на высоте двух человеческих ростов. Выше – только гладкие стены и зубцы далеко вверху. Пузатый велел встать им у стены строем. Похоже, эти нехитрые обязанности его забавляли. Крестьянин, ворча, неохотно повиновался, а мастеровой и так стоял у стены, опустив свой мешок к ноге.

Ждать пришлось недолго. В дальних воротах слыша-

лись шаги, и из тени вышел худощавый человек с сединой в волосах и бакенбардами. Стражник по-военному вытянулся и замер. Человек ещё издали приглядывался к ним, и, когда подошел, уже, кажется имел мнение относительно их судьбы. Он остановился напротив крестьянина. Было заметно, что тот нервничает, «тудить его конём» просто читалось на его лице.

– Так. С конями справишься?

Крестьянин сглотнул и кивнул.

– На конюшню пойдёшь. Пять монет в неделю и еда. Согласен?

Тот заметно повеселел.

– По рукам.

Они ритуально пожали руки. Барон чуть неохотно, словно это требовало от него усилий.

– Патрик отведёт. – Он кивнул на стражника. Потом повернулся к мастеровому. – А ты, никак кузнец? А это что? – Он указал на мешок.

– Инструменты...

– Понятно. Не понадобятся. У нас такие станки, каких ты и не видел. Ладно, перекуём во что-нибудь. Хорошее железо всегда пригодится. Сколько лет у наковальни?

– Ну я как бы это...

Элис поразила проницательности барона, как он понял, что тот недавно выучился, или подслушал разговоры у двери?

– Ясно. В мастерские. Будешь работать у мастера Бенедикта. Семь монет в неделю. Если проявишь смекалку – награжу. Будешь зря суп хлебать – выгоню. А вообще – работа у нас творческая, больше надо мозгами шевелить, чем молотом долбить. Согласен?

– Да, барон. Буду стараться.

Было видно, что он не очень доволен началом, и рассчитывал на большее, и непривычность новой работы пугает его.

Наконец, хозяин подошёл к Элис и взглянул на неё сверху вниз. Элис не видела его лица, словно подсознательно боялась разглядывать его.

– Мелковата... Тебе сколько лет? В мастерские не возьму. Разве что прислужой. Впрочем, у тебя тот возраст, когда всему сможешь научиться.

Элис слышала, как он оценивал работников, и ей даже понравилось, что барон с одного взгляда и безошибочно определяет их способности. Но ей вдруг показалось обидным, что какой-то незнакомый человек выносит ей приговор, едва увидев её.

– Я читать умею! – Почти крикнула она и с вызовом взглянула ему в лицо.

На неё смотрели добрые смеющиеся глаза.

– Это интересно. – Барон заколебался, взвешивая. – Как зовут тебя?

– Элис.

Казалось, этот ответ что-то добавил на весы его сомнений.

– Книги любишь? – Элис охотно кивнула. – Тогда у меня к тебе особенное предложение. Если тебе понравится...

Он махнул рукой стражнику, и тот повёл работников прочь со двора.

– Пойдём, я покажу тебе. Знаешь, кто такой библиотекарь?

Элис мотнула головой.

– Это хранитель книг. У меня их много, но разобраться в них нет времени.

Они вошли в ворота, и барон открыл боковую дверцу. За ней начиналась узкая винтовая лестница. Поднявшись, они оказались в гулком коридоре. Барон вёл её куда-то вглубь замка, иногда оборачиваясь, чтобы убедиться, что она не отстала. Наконец, он остановился перед небольшой дверью, гремя ключами. В коридоре было почти темно, пыльные вазы, стоящие через равные промежутки, скрывали за собой мрачные тени, здесь было странно и неудобно. Но вот дверь раскрылась, и солнечный свет отразился в коридор, распугав тени.

Вслед за бароном Элис вошла в круглую комнату. Свет падал из окна в центре потолка. Три кресла из резного дерева и такой же стол в центре. В одной из стен светился красными углями камин. В противоположной стене располагалась широкая тёмная арка. Остальные же стены были... корешками книг. Столько книг Элис не видела никогда. Она подошла ближе, наклонив голову набок, читая надписи. Руки её

потянулись к полкам.

Барон засмеялся:

– Не спеши, они все будут твои!

Элис обернулась. Барон Эдвин развалился в кресле, потом поманил её ближе.

– Садись, обсудим твою работу. – Элис опустилась на краешек другого кресла. – Тебе надо будет переписать названия всех книг. Повторные, и разные издания одного и того же – отложить в отдельный шкаф. Когда-то я начинал сам это делать... но не закончил. – Он испытующе посмотрел на неё. – Почему ты не спрашиваешь о плате?

Элис смутилась. Она даже не подумала об этом. Книги – это всё, о чём она сейчас думала. Огромное количество книг, хранящие под обложками целые миры, и все они здесь, в этой комнате.

– Я не подумала... Позволение прочесть все эти книги было бы для меня самой большой наградой.

Барон хохотал. Эхо ответило из тёмной арки.

– Все? Ты никогда не прочтёшь все книги! Жизни не хватит.

– Моя мать говорила... – начала Элис. – «...что жить я буду долго,» – собиралась она сказать, но вовремя остановилась.

– Хорошо, смотри! – Эдвин хлопнул в ладоши и указал в сторону арки. Темнота в арке прояснилась, и начал разгораться красноватый свет. Элис увидела ряды шкафов, ухо-

дующих вглубь огромного зала... Только чтобы прочитать все названия потребовался бы не один день. Она немного растерялась, но радость её не исчезла.

– Ну что, берёшься ты за эту работу?

– Да. – Без сомнения ответила она.

– Понимаешь, я уже десять лет не встречал человека, который умеет читать.

– Моя мать была лекарем... – Словно оправдываясь, ответила Элис. Барон понимающе кивнул.

– Что ты хочешь за это? Проси всё, о чем только мечтаешь, а я уже сам решу, где границы моей щедрости.

Элис немного подумала.

– Я всегда хотела иметь дом. Если у меня будет комната и возможность готовить...

– Тебя будут кормить на кухне, как всех работников. И я дам тебе одну из лучших комнат. И ещё я буду платить тебе... по сто монет. Эх, не знаю зачем уж, в городе их не на что потратить... Просто, если тебе будет что-нибудь нужно – проси у меня. Ну тогда, «по рукам, тудыть его конём,» – смешно передразнил Эдвин.

Элис улыбнулась, но замялась.

– Спасибо. Но... через пару дней мне надо уйти. На неделю. Я обещала довести до Метоскула моего друга... он остался в городе.

Было заметно, как барон, уже было испугавшись, что она поставит какое-нибудь условие, облегчённо расслабился.

– Что значит неделя по сравнению с этим количеством книг. Отлучайся когда угодно и куда угодно. Только будь осторожна в городе, по вечерам там иногда бродят подозрительные личности.

Он взял со стола предмет величиной чуть больше ладони.

– Список хранится вот здесь. Смотри. – Он начертил на нём пальцем букву А и повернул плоскость так, чтобы она видела. Табличка светилась, и на ей ровными буквами, как в книге, был виден список:

Абэ Кобо

Адамс Генри

Ажар Эмиль

Акутагава Рюноскэ

Аллен Грант

Амаду Жоржи

Андерсон Шервуд

Он наугад ткнул пальцем.

– Здесь только то, что я сам успел переписать.

В зале что-то загремело и стало приближаться, наконец, из арки выкатился низкий столик на колёсиках. Он остановился около них. Сверху на нём лежала книга с синим шаром на обложке. «Атлас Мира» – прочитала Элис, протянула руку и открыла наугад. Весь разворот занимала карта, почти такая, какую рисовал Мартин. Линии, обозначающие реки и моря были синими, леса – зелёными. По краю страницы были изображены разные звери, которые водились в этих ле-

сах...

Эдвин взял книгу у неё из рук и вдруг ленивым движением швырнул её в камин. Цветная обложка почти сразу вспыхнула, но Элис была быстрее. Схватив «Атлас Мира» голыми руками, она бросила его на пол и быстро затоптала огонь.

Барон улыбался. Элис стояла на коленях перед обожжённой книгой и бережно смахивала пепел. Наконец она подняла на Эдвина растерянные глаза.

– Зачем? – Чуть не плача сказала она.

– Прости. Зато теперь я знаю, что могу доверить тебе мои книги. А эту мне не жалко. С тех пор, как она была напечатана, очертания земель изменились, и теперь все эти карты врут. Ну, не расстраивайся, если она тебе так нравится, можешь взять её себе. – Он поднялся. – Пойдём, я покажу тебе комнату.

Элис вернулась в библиотеку, когда колокол пробил пять раз. Она не знала, что это значит, но предполагала, что здесь так отмечают время, и, если четыре удара означали полдень, то на закате вероятно, будет шесть или семь. По дороге она один раз чуть не заблудилась в тёмных коридорах, свернув не туда. Она никого не встретила по пути, и дорогу было спросить не у кого. К счастью, её комната располагалась не очень далеко от библиотеки.

Комната, и правда, была светлая, с большим окном

из множества квадратных стёкол. За окном, под стеной, была видна площадь и вдали сверкала река. Кроме стола в комнате стояла кровать, высокий резной шкаф и стул. Эдвин оставил её одну, разрешив ходить по замку куда ей вздумается, за исключением, конечно, закрытых дверей. Маленький ключик от библиотеки он снял со своей связки и отдал ей. Он лежал на столе и искрился в солнечном свете – символ её нового статуса. «Библиотекарь» – как важно это звучало, и, главное, это означало, что все эти миры под обложками, все буквы и картинки теперь под её присмотром и ответственностью.

Она осмотрела круглую комнату, любясь кожаными, чёрными, золочёными или бархатными корешками. Рядом с камином в нише стоял странный маленький столик, которого она до этого не замечала. Его поверхность была расчерчена на квадраты, на которых стояли фигурки из белого и чёрного камня: рыцари в остроконечных шлемах и со щитами, монахи в длинных плащах, король в короне, башни с зубцами и *каменная фигурка лошади*, совсем как та, что хранилась у неё. Фигурки стояли в строгом порядке в два ряда на одной стороне и в два на другой, лицом друг к другу. Белых лошадей было две, а чёрных – только одна. Напротив белой лошади в чёрном строю была пустая клетка. Элис бросилась в свою комнату, развязала свой мешок, высыпала на кровать, схватила статуэтку и вернулась к столику. Её лошадь заняла своё место. Элис не сомневалась, что когда-то она стояла здесь вместе с рыцарями и монахами, и теперь, проделав

путь через триста лет, вернулась *домой*.

Она улыбнулась, представляя себе радость лошади, постояла, глядя на ровные ряды рыцарей. Настало время заняться новой работой. Табличка лежала на столе, чёрная и матовая. Элис подошла и тихонько коснулась её пальцем. Гладкая поверхность засветилась, сверху появилась надпись ПОИСК ПО АВТОРУ и белое поле под ней. Так же, как это делал барон, она начала писать пальцем. Ш... Поверхность под пальцем чернела, оставался след, но как только буква была дописана – она исчезала и вновь появлялась мелко в верхней строчке. «ШЕЙЛА» – написала Элис. Буквы посыпались на страницу с такой скоростью, что она не успела заметить, как они появились.

Шейла Аллен

Шейла Бишоп

Шейла Келли

Шейла Кнотт...

Последнее имя показалось ей знакомым. Она поймала себя на том, что задумчиво водит по нему пальцем, а послушный механический столик уже гремит колёсами в глубине библиотеки. Вот он подъехал к ней и остановился. На нём лежал большой лист грубой бумаги, сложенный в несколько раз. Сверху чёрной краской были изображены какие-то знаки и большая чёрная надпись «Европейский Курьер», а ниже с картинки серьёзно смотрела её мать, держа в руке *ампулу со смертью*. Над картинкой чернел заголовок «Шейла Кнотт

предупреждает». А рядом, мелкими буквами...

«После стольких слухов и домыслов нашим корреспондентам удалось, наконец, выйти на нужные сведения. Сотрудник биологической лаборатории Соло-Фарм Шейла Кнотт раскрыла секретные данные и предупреждает мир об опасности.

– Мы провели генетическое исследование и авторитетно заявляем:

Последняя эпидемия, так же как и две предыдущие, не является чем-то особенным, она вызвана обыкновенным вирусом гриппа. Смертность от неё (до настоящего времени) была не выше, а даже ниже, чем от обычной сезонной вспышки заболевания.

Шумиха, поднятая вокруг новой эпидемии – не более как рекламный ход, организованный корпорацией Соло-Фарм для поднятия продаж своих вакцин.

Некоторая часть вакцины, выпущенной этой весной и распространённой на территории Мексики и Китая содержала живой вирус гриппа этой же разновидности и вызвала контролируемые Соло-Фарм вспышки заболеваемости. Это было сделано для дальнейшего запугивания населения эпидемией, чтобы ещё больше поднять продажи вакцины. Эпидемия приняла бóльшие масштабы, чем рассчитывали в Соло-Фарм, однако, это пока ещё обычная эпидемия гриппа.

Этот трюк позволил провести через мировые правительства соглашение о тотальной вакцинации населения, что уве-

личивает продажи вакцины примерно в десять раз, поскольку закупщиком являются уже целые государства. В настоящее время соглашение о вакцинации приняли 140 стран.

Сейчас планируется провести тотальную тройную принудительную вакцинацию, которая якобы спасёт от эпидемии, ими же и организованной. Однако на деле это означает, что отныне Соло-Фарм будет буквально контролировать всех, вливая в нашу кровь лекарство либо смерть, в зависимости от своих потребностей поддерживать необходимые для хороших продаж масштабы эпидемии.

Однако, наши исследования показали, что в ситуации открытого распространения увеличивается показатель генетического дрейфа, что повышает вероятность опасных для человека мутаций, выхода эпидемии из-под контроля и перехода её в пандемию.

Мы предупреждаем всех об опасности. Не прививайтесь вакцинами Соло-Фарм, по возможности избегайте скопления людей. Помните, грипп передаётся воздушно-капельным способом, вне организма вирус обычно погибает за несколько минут. Если тройная вакцинация – очередной трюк компании, от болезни нас спасёт только изоляция. По возможности не выходите из дома. В самом крайнем случае, если эпидемия выйдет из-под контроля – разбивайтесь на немногочисленные группы, и бегите в безлюдную местность. От вас зависит, выживет человеческий вид или нет.

Ниже, другим шрифтом приписано: «Обращение коммен-

тирует Ответственный Наблюдатель компании Соло-Фарм Марк Штеммлер».

– Во времена эпидемий всегда было большое количество паникёров. Я, как доверенное лицо компании ответственно заявляю: наши вакцины были специально разработаны для борьбы с вирусом, и одобрены Всемирной Организацией Врачей. Если вы не верите в современные возможности медицины, вспомните, сколько болезней уже полностью побеждено. Сейчас уже никто и не помнит, каковы симптомы сибирской язвы, кори или оспы. А ведь они побеждены именно благодаря тотальной вакцинации. Только она может нас спасти.

Что касается паникёров – мы всегда будем их осуждать и преследовать, поскольку они подрывают усилия врачей всего мира. Шейла Кнотт уже неделю не работает в нашей компании и не могла обладать сведениями, которые якобы открывает на страницах вашей газеты...

Колокол напомнил ей о времени. Свет через окошко в потолке был слабым и красноватым, очевидно, закат был уже близок. Элис взглянула на листок и удивилась, как она могла читать, не заметив, что стало темно. Сердце, глупый мясной мешок, билось быстро, больше всего Элис хотелось бежать. Хотя понятно было не всё, она, кажется, начала понимать, за что Шейлу преследовали солы. А вдруг барон тоже знает об этом? Теперь, когда Элис знала, что Эдвин прочитал

далеко не все книги и листки в своей библиотеке, ещё была такая возможность. Хотя, эта бумага была в *списке*. Значит он её туда занёс... Значит читал. Это было триста лет назад. Он может не помнить. Или не придать значения. Спокойно. Откуда известно, что я имею отношение к какой-то Шейле Кнотт. Я просто дочка лекарки из далёкой деревни.

Она сложила листок в карман, закрыла библиотеку на ключ и побежала по тёмному коридору, через сумрачные арки, мимо странных силуэтов, притаившихся в нишах.

Выйдя на внутренний двор, она увидела, что небо уже остывало, как зола в камине. Стражник открыл перед ней ворота. «Куда это ты по темноте?» «Друга встретить,» – выдохнула она и проскочила наружу.

Солнце уже село, и огненные чудовища успокоились, поглотив его, лишь только небо чуть светилось красным на том месте, где оно утонуло. Мартина нигде не было видно. Она пробежала влево до башни, потом обратно. Он должен был прийти точно, ведь он знает, что лежит у него в мешке... Его что-то задержало. Барон говорил, в городе беспокойно по ночам. Может быть, он уже попал в какую-нибудь скверную историю. Или кто-нибудь украл его вещи и уже занёс тяжёлый каблук над склянкой, в которой сверкает *смерть*...

Элис бросилась по дороге вниз, и её обступили чёрные башни города.

До заката было ещё далеко, впереди был почти целый

день, и Мартин не стал спешить. Для начала он чуть побродил по городу, любуясь крышами, балконами и изящными башнями, спустился по одной из улиц, постоял на мосту, глядя на реку, и углубился в узкие улицы правобережной части. Здесь не было такого порядка, улицы соединялись под немыслимыми углами и забирались на холм. Множество мелких лавок манили своими товарами, посетителей было совсем мало. У Мартина было всего две монеты, он не представлял, много это или мало, пока не приценился в лавке сапожника. Обычные кожаные башмаки стоили от трёх до пяти монет, скорее всего, на одну монету можно было поехать.

Улица каменными ступенями уходила вниз, оттуда донёлся запах жареного мяса. Мартин вошёл в низкую арку и оказался в небольшом сумрачном помещении, которое было чем-то средним между комнатой и двором. Две стены были каменными и крыши над ними не было, две другие были из брёвен, у одной горел камин, у другой располагался прилавок, над которым были развешены копчёные окорока и колбасы. За прилавком виднелся проём, ведущий вглубь дома, озарённый всполохами огня. Оттуда появился хозяин, невысокий усатый человечек, и направился к Мартину.

– Пива? Вина? – Спросил он.

– Мне бы поесть, если чего можно на одну монету.

– Отчего же, можно. Могу принести мяса. Медведя с травами по северному или свинью с сыром?

– Свинью, можно и пожирнее.

Мартин только сейчас понял, что сильно проголодался. Когда голова занята мыслями или поглощением свежих впечатлений – и думать забываешь о еде, но стоит зайти в таверну, как мысли наполняются сказочными видениями чудесных блюд.

Мартин опустился на лавку и в ожидании жаркого стал осматривать зал. На этой половине потолок подпирали деревянные столбы, между которыми стояло несколько столов. По стенам висели закопчённые фонари и медные ковши. У камина была прислонена к стене кованая кочерга. Ближе к прилавку за столом сидели двое мастеровых, как показалось Мартину. Они были в коротких кожаных куртках со множеством шнурков и медных бляшек. Когда он вошёл, они притихли, но сейчас снова негромко продолжили разговор.

Мартин уже привык к местному выговору, и хорошо различал, что они говорили. Гуляя по городу, он прислушивался к разговорам, и теперь примерно представлял, чем он живёт. Барона в городе любили и уважали, хотя и считали изрядным сумасбродом. Посмеиваясь над его причудами, называли его «наш старый чудак». По всему видно, жилось им при бароне неплохо: транспорт, торговля и порядок были организованы удачно. Лишь один раз, недалеко от площади, он стал свидетелем ссоры. Один торговец, оправдывая свою цену, обидевшись, попытался наставлять другого в духе спиритов, что бог возьмёт его к себе голым, и монеты

ему не понадобятся. Покупатель же обозвал его спиритовым прихвостнем и попытался ударить, но драчунов быстро растащили в стороны.

Ближе к камину, обняв большую кружку, сидел высокий тощий человек. По его отсутствующему взгляду было видно, что сидит он уже давно и уходить не собирается, пока его не выставят, заказывая одну кружку за другой.

Принесли мясо, и Мартин набросился на него, как волк среди зимы. По мере того, как количество пива в кружках уменьшалось, разговор мастеровых набирал громкость.

– А чудак-то наш, всё же знается с солами... – Сказано это было спокойно, но внутри у Мартина что-то дрогнуло.

– Да ну, с чего ты взял?

– Да точно. Небось приторговывает, иначе откуда ж у него все эти чудеса.

– Какие чудеса?

– Ну, все те, о чём говорят. – Туманно ответил первый. Было видно, что и сам он не знает, что из этого правда, а что обросло выдуманностями подробностями. – Много что говорят. Вот, например, есть у него пруд, в котором утопленники плавают. Как нужен ему работник – он к пруду, одного вылавливает, кирку в руки даёт – и камень долбить. А если какой работник провинится – так он его обратно в пруд.

– Враньё это. Нету у него никакого пруда. Василь к нему на сезон работать ходил, он у него в замке был, никакого пруда не видел.

– А откуда тебе знать, что он сам в пруду не поплавал? Может это уже и не Василь вовсе, а мертвяк.

– Да брось, я с ним вчера здесь пил. Нормальный мужик, а если нос у него синий – так это от пива. Гыгыгы. – Второй хрюкнул в кружку, оттуда полетели клочья пены.

– Ну, может и враньё про пруд. Но вот райский сад у него точно есть. Глубоко под замком. А скала вообще внутри вся полая, ходами прогрызена. И там у него машины, машины...

– Ну может, и машины, что с того. Он же, говорят, сто лет в городе прожил, с техами знался. Оттуда и машины.

– А где он их взял? В кармане из города принёс? Или сами приползли? До ближнего города полсотни дней пути будет. Вот я и говорю, приторговывает он с солами видать!

– Да враньё, солов он всегда ненавидел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.